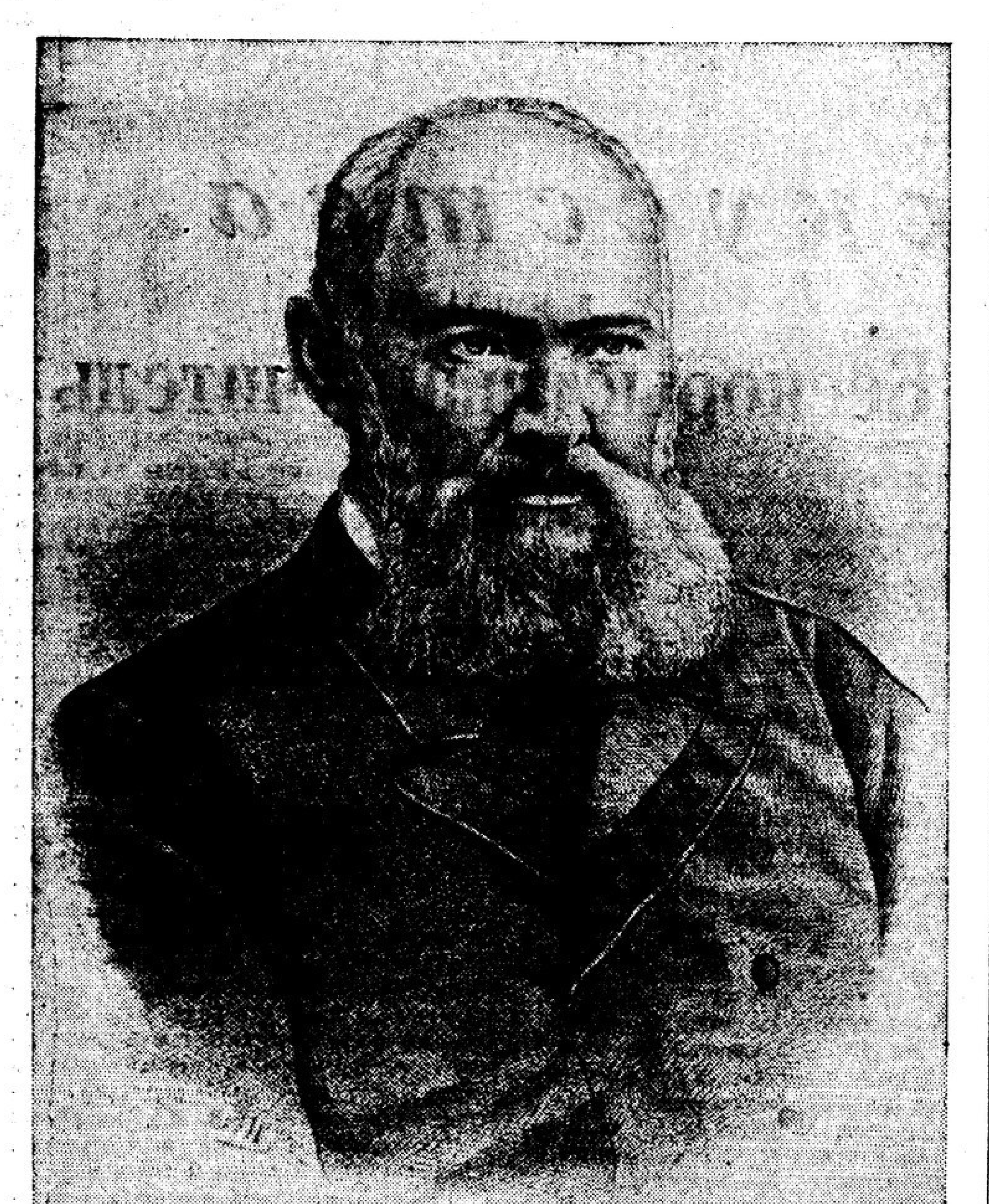
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 29 (2412) Суббота, 10 апреля 1948 г. Цена 40 коп.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Великий драматург великого народа

12 апреля советская страна торжественно отмечает знаменательную дату в истории родного искусства — 125-летие со дня рождения корифея русской драматургии Александра Николаевича Островского.

В мировой литературе прошлого века Островский — явление исключительное, монументальное: его могучий и щедрый талант — яркое свидетельство гениальной даровитости великого народа. За пятнадцать лет до появления первой пьесы Островского В. Г. Белинский, глубоко понимавший идейную, воспитательную роль театра, как искусства подлинно массового, народного, восклицал:

«...Как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, Русский театр!.. В самом деле — видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гроба могуществом фантазии, видеть биение пульса ее могучей жизни...»

Фонвизин, Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Островский — создатели русского национального театра.

Доля, внесенная Островским, поистине громадна. Он создал около пятидесяти пьес, составивших художественную энциклопедию быта и нравов эпохи с ее положительными и отрицательными сторонами. Рассматривая его творчество в целом, нельзя не поразиться мощи его таланта, патриотической целеустремленности его творческого пути, благородству мысли. Неуклонно углублялось и расширялось идейное содержание его драматургии. Отдельные колебания в начале пути—сближение со славянофилами — были серьезны, но кратковременны и не могут заслонить для нас величие его творческого подвига. Островский не был революционером-демократом, но именно в гениальных статьях Добролюбова он нашел истолкование своего творчества, благодарно принял это мудрое истолкование, как единственно правильное, и до конца дней оставался верным спутником Некрасова и Щедрина. Он ревностно сражался рядом с Некрасовым и Щедриным против буржуазно-либерального лагеря оружием своего искусства, одновременно обличительного и полного веры в силы народа. Драматург считал первейшей обязанностью каждого честного писателя, даже если он не может создать идеалы нового,—«разрушать идеалы прошедшего», потому что «когда старый идеал износится, тогда он начинает, прежде всего, противоречить всему жизненному строю...»

Этому принципу Островский оставался верен до конца своих дней, бичуя, высмеивая, разрушая идеалы старого «темного царства» современной ему России во имя освобождения народа от ига собственнического мира, враждебного человеку и человечности. Он создал целую галлерею образов представителей этого мира из самых различных социальных кругов — от невежественных самодуров Дикого и Кабанихи до «культурных» моральных растлителей и хищников типа Кнурова, Прибыткова, Беркутова. Со всей мощью художника-реалиста Островский показал необузданный произвол власть имущих, развращающую власть денежного мешка, власть, порождающую и аморальных Глумовых и задавленных, бессильных Тихонов и Борисов.

Мрачной галлерее хозяев, слуг и рабов денег Островский противопоставил целый мир светлых образов, гордых и горячих сердец, как Катерина, Параша, Мелузов, Кулигин, прославил борьбу вольнолюбивой личности с мертвящими устоями прошлого. В этих образах со всей силой сказалась патриотическая вера великого драматурга в потенциальную силу родного народа.

Островский хотел быть народным писателем и стремился «сойтись покороче с народом, сродниться» с ним. Он добросовестно изучал эпоху и типы: и в купеческой цитадели Замоскворечья, и работая в суде, и путешествуя по Волге. Он пытался взглянуть в прошлое родины, о чем свидетельствуют его исторические драмы. Островского привлекали широкие массовые движения народа, он искал в прошлом те черты национального характера, которым надлежало развиться в будущем. Поэт истинно народный, он глубоко постиг народную стихию во всех ее проявлениях: в чаяниях и дерзаниях, в чистоте нравственности, в любви к красоте, в совершенстве народного слова. Народ был его единственной любовью, и драматург мог бы сказать о себе словами своего героя Козьмы Минина:

Мое одно — одна любовь святая
К родной стране, — я сын ее,
любовью
Сыновнею горит душа моя!
Услышал я, что кровью и слезами
Исходит Русь . . . .
. . . . . Любовь моя хотела
Увидеть Русь великою, богатой,
Цветущею привольем на свободе...

Горячий патриотизм Островского со всею силою сказался в том чисто русском упорстве, с каким он осуществлял дело всей своей жизни — утверждение на русской сцене нужного народу театра.

Островский утверждал национальную самобытность русской драматургии; как и талант драматурга, он все свои способности руководителя и организатора отдал борьбе с рутиной и консерватизмом казенной театральщины, с пошлостью буржуазных вкусов, с засильем на русской сцене второсортного иностранного репертуара.

Великий русский художник, он обогатил мировую драматургию не только огромным количеством новых образов, но и неведомым до него умением сочетать реалистически верное и точное воспроизведение социальных отношений и быта с глубоким и осознанным демократизмом, умением раскрыть в движении характер простого человека. «Чародей слова», как называл его Горький. Островский владел непревзойденным и поныне искусством создавать словом, репликой психологическую характеристику образа. Он был великолепным мастером сюжетной композиции, отражающей реальные противоречия повседневной жизни.

По пути, указанному Островским, развивалась русская драматургия; его творчество оказало плодотворное влияние и на развитие национального драматического искусства Украины, Грузии, Армении, Азербайджана.

После Великой Октябрьской социалистической революции полностью осуществилась мечта великого драматурга о народном театре. Непрестанно продолжается триумфальное шествие Островского по советской сцене, слова его звучат почти на всех языках советских народов и во всех краях необ'ятной советской земли. До трехсот постановок его пьес показывают сейчас советские театры зрителю, радио доносит его слова до миллионов слушателей, его герои оживают на киноэкранах.

Советский зритель смотрит пьесы Островского не только как исторические картины прошлого; ему близка и понятна та неустанная и героическая борьба молодых сил со старыми отживающими силами темного прошлого, которая составляет внутреннее содержание пьес Островского.

Лучшие традиции творчества великого драматурга, произведения которого так метко назвал Добролюбов «пьесами жизни», сохраняются и развиваются советской драматургией. Задача советских писателей неизмеримо значительнее, чем разрешавшаяся когда-то Островским задача разрушения старых идеалов. От советских драматургов требуется утверждение новых идеалов на основе сегодняшней советской жизни. На этом трудном пути лишь тот одерживает победы, кто осмыслил все значение творческого опыта великого русского национального драматурга.

И как бы ни изменялось содержание жизни, как бы ни возвысилась над собственническими страстями прошлого душа нового человека, имя Островского — создателя русского театра — навсегда останется славой и гордостью народа, как имя друга и соратника в борьбе со злом старого мира.

Бор. ЛАВРЕНЕВ

Могучая сила

Четыре года назад, апрельской ночью, напоенной смоляным запахом хвои, мы возвращались в блиндаж командира дивизии с концерта, данного бригадой московских артистов на переднем крае. Шли вдвоем— я и ординарец полковника, старший сержант Пеленкин, человек средних лет, немного рябоватый, разбитной и чрезвычайно разговорчивый.

Но сейчас Пеленкин шагал молча, опустив голову, и даже в неверном лунном свете, фосфорно сочившемся сквозь ветки, можно было заметить на его лице сосредоточенную напряженность мысли.

Только что прослушанный нами концерт состоял на три четверти из драматических отрывков, а отрывки были преимущественно из пьес Островского. Разыгрывались сцены из «Грозы», «Бешеных денег», «Доходного места» и «Бесприданницы». Исполнение было превосходное — в дивизию приехали большие актеры, и концерт прошел в благоговейной тишине, при восторженном внимании.

Мне захотелось спросить моего спутника, о чем он задумался, но прежде чем я успел задать вопрос, Пеленкин неожиданно остановился и громко сказал:

— Глубокая вспашка, товарищ майор!

— Что? Вы о чем, Пеленкин? — спросил я в недоумении.

— Глубокая вспашка, говорю, товарищ майор... — снизив голос, продолжал Пеленкин. — Сидим мы с вами и слушаем товарищей актеров. И показывают они бойцам как будто не нашу жизнь... Про дворян, или про купцов и чиновников, разное такое, забытое. Об этом, может быть, сейчас одни столетние старики помнят, а нам и невдомек. Одним словом, мы с вами на одной полочке, а эти, которых актеры разыгрывали, вовсе на другой. Как будто нам с вами и дела нет до их жизни. Отжили они свое и—прощайте, у нас свои хлопоты, не до вас... А вот выходит совсем не так...

Вот, барышня терзается, что от бедности не может жизнь устроить, вещью ее считают. Нам с об'ективной точки вроде смешно, когда у нас любая девушка куда угодно дойдет, хоть в профессоры — была бы охота... А про приданое даже в деревне только самые отсталые еще поминают. Казалось, нам с вами, товарищ майор, на это все, как на комедию и глядеть надобно. А вместо этого я слезу пролил, и сердце у меня сжалось за барышню. Задумался я, от какой причины мне чужие чувства душу переворачивают... И думаю, что писатель Островский на глубокой вспашке работал.

— То-есть? — переспросил я Пеленкина.

— А вот как на поле, товарищ майор... Помню я, как папаша до коллективизации плужком ковырялся, а нынче у нас на полях трактор землю до самого нутра выворачивает... Так, видно, и в сочинительском деле — один поверху елозит, только царапает, а кому настоящий талант достался, тот пластами берет, вглыбь, до самой жизненной середки. А раз жизнь лемехом подпял, так она век веков жить будет, никогда не зачахнет...

В дни, когда моя Родина чтит память великого своего художника слова и сердцеведа, припомнился мне этот ночной разговор с сержантом Пеленкиным, который в неловких, но подлинно взволнованных и правдивых словах определил основу могучей силы таланта Островского.

В драматургии Островского, за отдельными фигурами его героев, всегда стоят поднятые его гигантским дарованием общественные пласты современной ему России и русского общества.

Глубокой вспашкой подымает Островский со дна «темного царства» представителей различных общественных слоев и прослоек и выворачивает их на солнечный свет во всей их неприглядной обнаженности. Самодуры, деспоты, хапуги и взяточники, хищники, лишенные чести и моральных устоев, составляют в драматургии Островского одно огромное полотно, отражающее с необычайной и резкой полнотой сущность собственнического мира.

Но Островский был и пламенным романтиком человеческого чувства, проникновенным и мягким лириком.

Достаточно напомнить три женских образа, оставленных нам как драгоценное наследие: Катерина, Лариса, Снегурочка.

По ясности, по душевной красоте и обаятельности эти героини Островского по праву занимают почетное место в мировом пантеоне женских литературных образов. Глубина понимания женской души и способности русской женщины на любое самопожертвование, на протест против семейного и социального гнета позволила Островскому наполнить образы своих героинь такой жизненной силой и правдой, что более чем через полвека после их создания они близки сердцу советского зрителя. Таково волшебство гения.

Я не знаю, где сейчас Василий Трифонович Пеленкин. Может быть, он сидит за рулем трактора, и в эти весенние дни, когда мы поминаем народного драматурга, Василий Трифонович подымает глубокие пласты влажной земли. Может быть, бывший сержант Пеленкин не помнит уже ночного лесного разговора в апреле 1944 года. Но я этого разговора не забыл и думаю, что мысль, которую высказал тогда Пеленкин, трудно забыть, — о ней должны помнить и драматурги нашей советской эпохи.

Не царапать по поверхности, а брать пластами «вглыбь, до самой жизненной середки», должен всякий, кому достался от судьбы талант и кто чувствует свою ответственность перед народом.

Александр КРОН

Горячее сердце

Пьесы Островского — это неисчерпаемая сокровищница для философа, историка, лингвиста. Перечитывая их, каждый раз поражаешься глубине и смелости обобщений, жизненности изображения, мощи и выразительности языка. Но больше всего потрясает в Островском его гражданский пафос, сила убеждения, с которой он утверждает свои положительные идеалы и обличает общественные уродства, порожденные собственническим строем.

Островский великолепно знал гнетущую власть денежного мешка. В сфере имущественных отношений для него, подобно Бальзаку, не было тайн. Но Островский стоял выше Бальзака в своем анализе буржуазного порядка. С проникновенной силой рисует Островский власть денег, опустошающую человеческие души, подавляющую все лучшее, что есть в человеке,—любовь, талант, человеческую гордость. Великий драматург был сыном своего века. Прошли многие годы, прежде чем Горький вывел на сцену рабочего Левшина («Враги») и его устами сформулировал единственный выход: «Копейку надо уничтожить...» Но растлевающую власть «копейки» Островский видел ясно и был беспощаден в своем обличающем гневе.

Через все творения Островского красной нитью проходит тема борьбы человека за свое личное, национальное и гражданское достоинство. Людям с горячим сердцем, сумевшим не склонить голову перед всесильной «копейкой», он отдает все свои симпатии. Островский всячески подчеркивал, что денежный мешок претендует на большее, чем физическое порабощение народа. Он посягает на его честь. Он хочет не только выжимать соки, но и властвовать над душами, стремится не только обобрать, но и унизить. В «Бесприданнице» — одной из самых совершенных драм А. Н. Островского — есть трагический персонаж, именуемый Робинзоном. Второстепенный, с точки зрения сюжета, он занимает немаловажное место в осуществлении идейного замысла драматурга. Робинзон служит шутом для богатых и тароватых купцов. Торговать своим человеческим достоинством стало для него своеобразной профессией. Но и этого, примирившегося со своей постыдной ролью человека заставляют взвыть волком претендующие на «культуру» и «европеизм» рыцари чистогана. В последнем акте пьесы ко всему привычный Робинзон не выдерживает. «О, варвары, о, разбойники!»—вопит он, грозя кулаком. И слыша вопль Робинзона, зритель предчувствует развязку: Лариса обречена. В мире чистогана нет места любви и нет пощады слабым.

Унизить, заставить ползать на брюхе жаждут Дикой, Ахов, Хлынов. Буржуазно-либеральная критика, рассматривая созданную Островским галлерею самодуров, считала своим долгом подчеркивать их культурную отсталость, дикость, «невежество». В этом подчеркивании есть своя тенденциозность, природа которой нам ясна. В понятие «невежества» Островский вкладывал более широкий обобщающий смысл. Кнуровы и Вожеватовы — люди, пользующиеся всеми благами цивилизации. Они читают газеты, а при случае могли бы их издавать. Они ездят в Париж на выставки и знают толк во всем, что составляет комфорт. Если бы в те времена существовали рефрижераторы, пылесосы и электрические бритвы, можно не сомневаться, что Кнуровы ими бы пользовались. И, однако, все это не мешает Кнуровым оставаться такими же варварами, как Аховы и Хлыновы, может быть, даже более бесчеловечными в своем высокомерии полузнаек.

Островский знал духовное богатство своего народа, свято верил в его нравственные силы. Бунт Параши из «Горячего сердца», неподкупность Агнии, с позором изгоняющей толстосума Ахова («Не все коту масляница»), изображены драматургом с поэтическим жаром и глубоким сочувствием. Островский знал, как трудна борьба с силами зла, как неравны силы борцов-одиночек в схватке со сложившимися, устоявшимися формами быта. Он не кривил душой и не выдумывал «счастливых концов». Вряд ли можно назвать «счастливым концом» финал «Последней жертвы». Эта «комедия в 5 действиях» — одно из самых ярких по драматизму произведений русского классического репертуара. Трагична судьба актрисы Негиной в другой комедии Островского «Таланты и поклонники». Но даже в тех пьесах, где Островский приводит своих героев к благополучной развязке («Не все коту масляница», «Правда — хорошо, а счастье лучше»), он всегда дает понять, что «счастливый конец» пьесы скорее частный случай, чем закономерность, и что зрителю не следует питать излишних иллюзий насчет законов, существующих в мире, где властвуют деньги. Реализму Островского чужда лживая идеализация собственнического уклада. И особенной яркости он достигает в постановке нравственных проблем, многие из которых продолжают нас волновать и сегодня.

Современному советскому человеку, освобожденному от ярма капитализма, в высокой степени присуще то гордое чувство собственного достоинства, за которое ратовал в своих произведениях великий писатель. Нашим людям ненавистна воинствующая «копейка», которая в иных странах зовется долларом, — это дела не меняет. Развивать в советских людях патриотическую гордость и ненависть к власти денежного мешка — прямая задача советских драматургов. Выполняя ее, они являются достойными наследниками Островского.

Выставка, посвященная А. Н. Островскому

В ознаменование 125-летия со дня рождения А. Н. Островского Государственный центральный театральный музей им. Бахрушина устраивает выставку, посвященную жизни и творчеству писателя.

Построенная на обширном документальном материале, выставка должна дать наглядное представление о борьбе Островского за русский национальный театр. Экспонаты подчеркивают значение его пьес в истории формирования реализма на сцене, показывают Островского, как любимого народного драматурга, завоевавшего огромную популярность на сценах театров Советского Союза.

В первом, библиографическом разделе выставки представлены многочисленные фотографии и портреты писателя, сделанные в различные моменты его жизни, а также фотографии и портреты членов его семьи и его друзей. Многие из этих фотографий экспонируются впервые. Интересен портрет маслом, писанный с натуры знаменитым актером Малого театра — Михаилом Провычем Садовским. В этом же разделе даны фотографии и зарисовки зданий и мест, связанных с жизнью и деятельностью писателя.

В мемориальном отделе можно увидеть многочисленные рукописи писателя, его личные вещи (печатка, шапочка, табакерка и др.).

Эскизы, зарисовки, фотографии показывают лучшие дореволюционные постановки пьес Островского и талантливых исполнителей ролей на сцене Малого, Александринского театров, а также в театрах провинции. Эскизы и декорации художника Искакова к «Поздней любви» и ряду других пьес Островского в Малом театре заслужили очень высокую оценку самого писателя.

Широко представлены на выставке экспонаты, показывающие популярность Островского у советского зрителя. Среди эскизов к спектаклям Острсвского имеются эскизы крупнейших художников советского театра: Юона, Лансере, Бобышева, А. Герасимова, Дмитриева, Рабиновича, Крымова и др.

В заключительной части выставки посетители увидят фотографии постановок пьес драматурга за рубежом и в первую очередь в странах новой демократии — в Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии.

В домике П. И. Чайковского

В Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину в юбилейные дни будет проведена сессия на тему «Чайковский и Островский». Здесь будут заслушаны доклады о фольклоре в музыке к «Снегурочке», об уничтоженной композитором и ныне восстановленной профессором П. А. Ламм партитуре оперы «Воевода». Выставка отобразит творческое содружество Чайковского, Островского и Серова, их общественное, литературное и музыкальное окружение.

На выставочных стендах экспонируются рукописные материалы, по которым восстанавливалась опера «Воевода», музыкальные фрагменты к драме «Дмитрий Самозванец», увертюра к драме «Гроза» и др.

Сессия закончится большим концертом, где московскими артистами будут впервые исполнены отрывки из оперы «Воевода».

Научная сессия в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). 13 апреля в Научно-исследовательском институте театра и музыки в Ленинграде откроется сессия, посвященная 125-летию со дня рождения А. Н. Островского. На сессии будут заслушаны доклады о мировом значении творчества Островского, о постановках его пьес на дореволюционной сцене и на сцене советских театров, об образе положительного героя в драматургии Островского, о роли фольклора в его творчестве и другие.

В работах сессии, которая продлится пять дней, примут участие московские и ленинградские литературоведы, театральные деятели.

Ленинградский театральный музей и Государственная театральная библиотека имени Луначарского откроют к сессии выставку, посвященную жизни и творчеству Островского.

Водные „проселки"

Сорок шесть областей Российской Федерации получат в этом году новые речные пути, равные по протяженности Волге.

Речь идет о мелких, заиленных речках, которые никогда не знали судоходства и по которым в ближайшее время пойдут баржи, катера. Таких речек в нашей стране свыше 100 тысяч.

— Более ста малых рек РСФСР уже стали судоходными, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» Н. В. Семикин, начальник недавно созданного при Совете Министров РСФСР Главного управления по транспортному освоению малых рек. — В прошлому году пошли пароходы по реке Исеть в Курганской области, по реке Пижме в Кировской области, по Керести — в Новгородской, освоены реки Обва, Пчевжа, Сыкмара, Бакса, Вопь, Цна...

Маленькая речка Цна, которую прежде «куры в брод переходили», в прошлом году ежедневно заменяла своим еще не полным флотом 200 грузовиков, или 1.300 лошадей. Помножьте эти данные на количество навигационных дней, и вы получите огромную цифру экономии. По новой голубой дороге тамбовские колхозники перевезли тысячи тонн продуктов сельского хозяйства, а навстречу этому потоку двигались на баржах машины, горючее для МТС, промышленные товары.

— В ближайшее время, — продолжает тов. Семикин, — мы приступаем к реконструкции реки Медведицы в Калининской области. Эта река пересекает земли 11 районов, в ее освоении заинтересованы 89 сельсоветов, 688 селений, 85 тысяч колхозников.

— Каким образом малые реки становятся судоходными?

—До сих пор,—отвечает тов. Семикин,— мы ограничивались расчисткой и углублением их. Теперь реконструкция малых рек осуществляется в тесной связи со строительством сельских гидроэлектростанций, поэтому широко применяется метод шлюзования. На Цне, например, уже введены в эксплоатацию два гидроузла—Горельский и Мамонтовский. Река стала не только судоходной — она дает электроэнергию и воду для орошения десяткам колхозов. В ближайшем будущем на Цне будет построено 12 гидроузлов. Гидроузлы проектируются также на реке Мокше в Мордовской АССР и на подмосковной реке Осетр. Начинается строительство большой Никольской плотины на маленькой реке Дубна, а на реке Нара, Московской области, строится первая в Союзе судовозная дорога, которая заменит шлюзы.

Перечисляя наиболее крупные стройки этого года, тов. Семикин остановился на перспективе освоения реки Хопер. На ней будет построено 16 гидроузлов, которые дадут колхозам трех черноземных областей около 4.000 киловатт электроэнергии. Под'ем воды в реке создаст исключительные возможности для орошения земель приречных колхозов.

— Реконструкция малых рек,—заявил в заключение тов. Семикин, — изменит весь прибрежный ландшафт. На берегах узких рек и речонок, превращаемых в «проселочные» дороги водных магистралей, вырастут красивые плотины, шлюзы, электростанции, мельницы, мастерские, лесопилки. Тысячи гектаров орошенных колхозных земель покроются тучными нивами и садами. «Голубые дороги» приведут наши села и деревни к новому расцвету экономики и культуры.

ЛЕНИНГРАДЦЫ ЧЕСТВУЮТ СВОИХ ЛАУРЕАТОВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Доме писателя имени Маяковского состоялось собрание ленинградских литераторов, посвященное присуждению Сталинских премий за 1947 год. От имени правления Ленинградского отделения Союза советских писателей тов. А. Прокофьев горячо поздравил лауреатов В. Панову, Ю Германа, Б. Мейлаха, В. Кетлинскую.

По поручению партогранизации отделения Союза писателей лауреатов приветствовала Елена Серебровская.

— Сегодня я особенно сознаю свою ответственность перед читателями, — сказала В. Кетлинская, — а наши читатели — это весь советский народ. Я хочу создать новые книги — глубже, лучше, увлекательнее тех, которые уже написаны мною.

— Моим ответом на высокую оценку сценария «Пирогов»,—заявил Ю. Герман,— могут быть только новые произведения, достойные высокого звания лауреата Сталинской премии. На протяжении всей работы над этим сценарием большую помощь оказывала мне суровая товарищеская критика писателей, кинематографистов; такую же настоящую творческую критику я надеюсь получить и сейчас в работе над романом «Несколько дней» и над сценарием «Белинский».

На собрании выступили также В. Панова, Б. Чирсков и другие. С огромным воодушевлением ленинградские писатели приняли приветствие лучшему другу советской литературы — великому Сталину.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДОШКОЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ

В Москве проходит первая научная конференция по дошкольному воспитанию.

Ученые-педагоги, воспитатели и родители, около 500 делегатов, принимают участие в разработке теории дошкольной педагогики, в критике ее недостатков.

Член коллегии Министерства просвещения РСФСР тов. Волкова рассказала о достижениях дошкольного воспитания в нашей стране. Только лишь в РСФСР насчитывается более 17,5 тысячи детских садов. Их посещает более 860 тысяч детей. В Советском Союзе созданы основы общественного дошкольного коммунистического воспитания. Однако теоретическая разработка отстает от практики.

С докладом о развитии детского изобразительного творчества выступила доктор педагогических наук Е. А. Флёрина.

— Буржуазные теоретики, — сказала она, — понимают детское творчество как инстинкт, как врожденную склонность. Наша наука опровергает эти ложные реакционные толкования. Не инстинкт, а действенное познание мира — вот основа детского творчества.

К. В. Махова, мать пятерых детей, поделилась своим опытом воспитания и обосновала необходимость преподавания педагогики и психологии в средней школе.

Действительный член Академии педагогических наук Е. Н. Медынский призвал воспитателей-практиков участвовать в педагогических чтениях, проводимых академией.

Многие из делегатов жаловались на отсутствие книг, рассказывающих в доступной для школьников форме о жизни и деятельности наших вождей, о героях гражданской и Отечественной войн, о знатных людях страны.

Конференция продолжает свою работу.

Гордость русского искусства

Еф. ХОЛОДОВ

Художник-реалист

Возле Малого театра грузно сидит он в своем бронзовом кресле. Сдвинутые брови говорят нам о человеке, много размышлявшем на своем веку, но ничто не выдает в нем одухотворенности художника. Высокий лоб обличает в нем скорее проницательного мыслителя, чем вдохновенного поэта. Спокойствие его граничит с бесстрастием. Смотришь на него, на бронзового, и начинаешь думать: вот почему его так часто и так охотно сравнивали с пушкинским Пименом: спокойно зрит на правых и виновных, не ведая ни жалости, ни гнева...

Таким ли он был?

Представим себе, что в ночь на двенадцатое апреля, ровно в четыре часа пополуночи, когда сравняется 125 лет со дня рождения великого драматурга, опустеет площадь перед памятником Островскому, распахнутся настежь двери Малого театра и неспешною чередой выйдут на площадь действующие лица созданных его гением пятидесяти пьес. Их много — более полутысячи. Если расположить их вокруг памятника, они заполнят чуть ли не всю площадь—жители Калинова и Бряхимова, замоскворецкие обыватели, нижегородские ополченцы, тушинские мужички, сказочные обитатели берендеева царства. Темное царство, прорезаемое, как молнией, ярким лучом протеста и надежды; непролазный дикий лес, в котором нет-нет да раздастся живой человеческий голос. Это целый мир, ставший для нас далеким-далеким прошлым, — купцы всех гильдий с их чадами и домочадцами, чиновники, приказчики, стряпчие, приживалы и приживалки, властолюбивые помещицы, предприимчивые промышленники, благородные трагики и жалкие комики, бедные невесты и богатые вдовушки, свахи, шулера, студенты, мастеровые, сановники, юродивые...

Взглянем теперь снова на великого драматурга, когда окружен он образами, вызванными к жизни его гением. Теперь уж мы не скажем о нем: спокойно зрит на правых и виновных. Теперь уже не скажем: не ведает ни жалости, ни гнева. Надо только суметь за всеми этими окладистыми бородами, долгополыми сюртуками, суконными поддевками, смазными сапогами, диковинными чепцами, пестрейшими шалями и широченными салопами,—надо только суметь за всем этим плотным слоем быта разглядеть живые страсти живых людей. Надо только суметь за характерным говорком, за московским «аканьем», за волжским «оканьем», за бойкой скороговоркой свах и напевной речью приживалок, — надо только суметь за всем этим расслышать стон души Катерины Кабановой, душевное слово Геннадия Несчастливцева, жаркое обличение Петра Мелузова.

Его талант был признан очень скоро, но разгадан далеко не сразу. И даже после гениальных статей Добролюбова много еще путали, изрядно еще потрудились над искажением истинного его облика. Под пером одних он—«иноческп простой пустынножитель на торжище людских страстей». Другие толковали о нем, как о моралисте, преподающем прописные истины. Третьи превозносили его, как великого утешителя, всё примиряющего, всё сглаживающего, всё прощающего.

На первых порах его, большого и самобытного художника, пытались во что бы то ни стало втиснуть в узкие рамки тогдашних журнальных направлений, хотели видеть в нем благодушного поклонника старины, либо только сурового сатирика-обличителя. Когда Добролюбов неопровержимо показал несостоятельность попыток сузить реалистический талант Островского, появилась на свет (и не Добролюбов, конечно, тому виной) версия о совершеннейшем политическом безразличии нашего драматурга, с равным благорасположением, дескать, относившегося и к Погодину и к Некрасову, с равной охотой печатавшегося и в славянофильском «Москвитянине» и в революционно-демократическом «Современнике».

Надо ли говорить, что это вовсе не соответствует истине? Творческий путь Островского — яркий пример благотворного влияния прямой, честной и нелицеприятной революционно-демократической критики. Исследователям еще предстоит проследить, как указания Чернышевского на идейные и художественные слабости пьесы «Бедность не порок» помогли Островскому избавиться от славянофильских наваждений. Еще предстоит внимательно изучить, какое огромное влияние оказали знаменитые добролюбовские статьи о темном царстве на все дальнейшее творчество Островского. Но уже и сейчас ясно, что путь от «Москвитянина» к «Современнику» не был для Островского случайным.

Среди коротеньких писем к Некрасову, в которых драматург извещает о ходе работы над пьесами да просит выслать гонорар, есть и такие примечательные строчки, написанные Островским при известии о нездоровье Некрасова: «Как Вам умирать? С кем же тогда мне идти в литературе? Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без шаблонного западничества и без детского славянофильства. Славянофилы наделали себе деревянных мужичков да и утешаются ими. С куклами можно делать всякие эксперименты, они есть не просят».

Островский, по собственным его словам, «написал целый русский театр» (в другом письме: «целый народный театр»). Так оно и есть. Были на русской сцене и до него замечательные произведения отечественной драматической литературы, но это были считанные жемчужины. Он первый дал русскому театру огромный репертуар, он населил сцену десятками и сотнями людей, взятых из самой российской жизни, он определил реалистический лик русской сцены, оказал огромное нравственное и эстетическое воздействие на зрителей и воспитал несколько поколений артистов, составляющих славу нашего сценического искусства.

В театре он видел прежде всего трибуну, с которой можно разговаривать с народом. «Драматическая поэзия, — писал он, — ближе к народу, чем все другие отрасли литературы... Эта близость к народу нисколько не унижает драматической поэзии, а, напротив, удваивает ее силы и не дает ей опошлиться и измельчать; и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными для других народов, а, наконец, и для всего света».

Ничто не было более чуждо ему, чем безродный космополитизм. Он высоко ценил самобытный национальный характер русской литературы, он умел гордиться своими великими предшественниками. Превосходно сказал он в своей знаменитой речи о Пушкине: «Он завещал нам искренность, самобытность, он завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским».

Этим пушкинским заветам сам Островский следовал неуклонно. Продолжая реалистические традиции русской драматургии, традиции Фонвизина и Грибоедова, Пушкина и Гоголя, он поднял русскую драматургию на высоту небывалую. Во всей мировой литературе XIX века нельзя назвать драматурга, равного ему.

Самобытный национальный характер драматургии Островского совершенно ясен каждому. Каждому, но только не апостолам пресловутого историко-сравнительного метода. Они не преминули, разумеется, подвергнуть его пьесы оскорбительному таможенному осмотру на предмет установления иностранных влияний и заимствований. Им палец в рот не клади, — всю руку откусят. Достаточно, скажем, что в «Пучине» упоминается мелодрама «30 лет, или жизнь игрока», чтобы «доказать» факт зависимости драмы Островского от мелодрамы Дюканжа: Кисельников, оказывается, тот же Жорж, Погуляеву соответствует Родельф, Переяркову—Варнер и т. д. и т. п. Столь же безапелляционно, например, устанавливается влияние шеридановской «Школы злословия» на комедию Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Улики при этом приводятся прямо-таки разительные: у Шеридана невесту зовут Марией, у Островского — Машенькой. Ну как же не заимствование!

Советскому литературоведению предстоит до конца развенчать все попытки последователей школы Веселовского умалить национальную самобытность драматургии Островского.

Работы непочатый край.

Островский и традиции предшествующей ему русской драматургии, Островский и революционно-демократическая критика, влияние Островского на последующую нашу драматическую литературу, мировое значение театра Островского, — вот темы, которые ждут исследователей.

Но как ни мало появляется пока исследований о драматургии Островского, нельзя забывать, что работа по истолкованию его пьес ведется непрерывно, ежедневно и притом в огромных масштабах.

Речь идет о театре.

Речь идет о тысячах спектаклей на сцене сотен наших театров.

Ежевечерне в Москве и Ленинграде, в Киеве и Тбилиси, в Риге и Хабаровске, в Калининграде и Южно-Сахалинске, в городах больших и малых, в театрах для взрослых и для детей, в рабочих дворцах культуры и в колхозных клубах десятки тысяч зрителей с волнением следят за судьбой Ларисы, негодуют вместе с Несчастливцевым, плачут вместе с Катериной, радуются вместе с Кручининой, смеются над Липочкой, сочувствуют Мелузову, ненавидят Кабаниху.

Какая сила заставляет нас с такой горячей заинтересованностью следить за картинами былой жизни, запечатленными пером мастера и воскрешаемыми на сцене?

Что привлекает нас в творениях Островского? Что мы ищем в них? Что мы в них находим?

Верную картину далекого и, к счастью, невозвратимого прошлого? Сцены из купеческой, помещичьей, чиновничьей жизни второй половины минувшего века? Да, и это.

Но не только это.

Нам, конечно, нужно знать прошлое, нам, разумеется, важно оглянуться на темное царство Диких и Кабаних, хотя бы для того, чтобы понять, какой огромный скачок к свободе и справедливости мы совершили. Но ведь не только любопытство, не только стремление побольше знать о прошлом приводит нас на представления пьес Островского.

Нет, не с холодной любознательностью, но с гневом и с жалостью взираем мы на жизнь, воплощенную в пьесах великого драматурга.

Подлые противоестественные отношения собственнического мира, об'явленные у нас вне закона, все же дают себя знать: предрассудки старого мира живучи. Островский помогает нам познать их природу, а значит, и бороться с ними.

Островский горячо верил в то, что придет конец темному царству. В этом—пафос его творчества. И этим он особенно дорог нам.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ В ГРУППЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. На снимке (слева направо) сидят: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин и А. Н. Островский; стоят: Л. Н. Толстой и Д. В. Григорович.

А. ЯБЛОЧКИНА

Народный писатель

До сих пор волнуют своими переживаниями, страстями, яркими красками самых различных чувств образы, созданные гениальным Островским. Советский зритель знает и любит произведения величайшего реалиста, потрясающего правдой изображаемой жизни и вместе с тем пленяющего романтикой, полной народной поэзии.

Как много дает работа над образами Островского, какой прекрасный материал представляют они для развития приемов актерского мастерства! Как прекрасен яркий, сочный и подлинно народный язык Островского! Как помогает актеру такая живая речь лепить образ во всей полноте!

На мою долю выпало счастье два раза встретиться с писателем.

Впервые я увидела его в 1881 году, когда мне было всего 12 лет. Я училась в Петербурге, моим инспектором был известный переводчик Шекспира, поэт П. Вейнберг. По его инициативе, в нашей гимназии устраивались «литературные утра», где выступали с чтением своих произведений известные писатели и поэты — Гончаров, Островский, Майков, Плещеев и другие. Что именно читал на этот раз Островский, я уже не помню, но запомнилось, что читал он замечательно: необыкновенно ярко вырисовывались образы, их характерные черты. Навсегда сохранилась в памяти выразительная речь Александра Николаевича, оттеняющая красоту и богатство русского языка.

Весной 1886 года состоялась моя вторая встреча с А. Н. Островским. Александр Николаевич устроил «пробу» молодых сил с тем, чтобы взять к себе в школу Малого театра наиболее одаренных. Я показывалась в двух ролях: Катерины (II акт из «Грозы») и Софьи (I акт из «Горе от ума»). Авторитет Островского среди актеров был огромным, его мнение считалось непреложным, поэтому моя сценическая судьба во многом зависела от результата этого выступления.

Конечно, роль Катерины — женщины, которую охватило огромное, всепоглощающее чувство, была не по силам застенчивой, наивной 17-летней девушке. Кроме того, и внешне я мало подходила к этому образу: слишком тонкая фигура была у меня для купеческой жены. Островский не мог узнать во мне своей Катерины и сказал: «Какая же это Катерина с осиной талией?»

Другое дело — образ Софьи, капризной и своенравной светской барышни. Александру Николаевичу понравилось мое исполнение этой роли. Он хвалил меня и решил взять в число своих учеников, обещая, если в репертуаре театра найдется подходящая роль, дать ее мне сыграть. Трудно передать, как я была счастлива! Я стану ученицей самого Островского! Но мечтам и надеждам моим не суждено было осуществиться. Летом этого же года Александр Николаевич скончался.

Драматургия Островского для нашего старшего поколения имела особенное значение. На его творениях мы учились реалистическому искусству.

За время моей работы в театре я сыграла 23 роли в 16 пьесах Островского. Переходя с течением времени от молодых ролей к более зрелым, а затем к старухам, я переигрывала в одной и той же пьесе несколько ролей: сначала играла дочь, а потом мать, племянницу, затем тетку и пр. Особенно любимые роли: Негина («Таланты и поклонники»), Лидия («Бешеные деньги»), Глафира («Волки и овцы»), Василиса Мелентьева в пьесе того же названия, Мамаева («На всякого мудреца довольно простоты»).

Всего я сыграла более двухсот ролей самых различных авторов. Я играла и в пьесах лучших западных классиков: Шекспира, Шиллера, Гюго, Расина. Но ближе всех для меня Островский, этот поистине русский, народный писатель.

Когда мне снова приходилось возвращаться к работе над той или иной ролью Островского, то всегда я находила в ней новые стороны, что позволяло мне в какой-то степени видоизменять образ, трактовать его в соответствии со временем, с новыми жизненными требованиями.

62 года я играю на сцене, и в каждом спектакле Островского с волнением, любовью и огромной радостью я стараюсь воплотить замечательные реалистические образы гениального мастера русской национальной драмы.

В. ИМЕДАДЗЕ

Бескорыстный учитель

В истории культурных взаимоотношений русского и грузинского народов яркие страницы связаны с именем великого русского драматурга А. Н. Островского.

Постоянная грузинская театральная труппа была создана в 1879 году. Трудности, испытываемые молодым театром в подборе репертуара, в значительной степени были устранены благодаря привлечению на грузинскую сцену шедевров русской драматургии, в том числе гениальных пьес А. Н. Островского. Творчество русского драматурга заняло прочное место в грузинском театре с первых дней его возникновения. Наполненные большим содержанием, пьесы Островского явились для грузинского национального театра благодарным материалом. Подлинно национальный русский драматург поднимался в своем творчестве до высоких обобщений; мрачные силы «темного царства», жестокие «хапуги»—капиталисты, самодуры-чиновники, все эти Дикие, Кабанихи, Брусковы были врагами и русского и грузинского народов. Гневные, обличающие слова Несчастливцевых, Незнамовых, Кулигиных вселяли в наших грузинских зрителей бодрость, мужество. Вот почему пьесы А. Н. Островского не сходили с грузинской сцены. Они откликались на заветные мысли грузинского народа, рука об руку с великим русским народом боровшегося за свое освобождение. Творчество русского драматурга, таким образом, не только оказало влияние на становление грузинского театра,—оно имело более широкое общественное значение.

Благотворное воздействие творчества А. Н. Островского можно проследить на пьесах известного грузинского драматурга А. Цагарели, которого называют «грузинским Островским». Влияние русского драматурга сказалось не только на общем направлении творческих замыслов и тем грузинского писателя, но и на манере письма, проявилось в умении отбирать типические характеры, в композиционном построении пьес. Недаром А. Цагарели называет Островского своим «бескорыстным учителем». Просмотрев в 1883 году в Тифлисе комедию Цагарели «Другие ныньче времена», А. Н. Островский одобрительно отозвался о пьесе, сказав автору: «Прекрасно! Продолжайте писать именно в этом духе. Вы стоите на правильном пути».

Любовное отношение к творчеству Островского проявляли и грузинские актеры. Стало почти традицией грузинских актеров,—на это обратил внимание поэт-академик Иосиф Гришашвили,—ставить в свой бенефис пьесы Островского. Прекрасный актер Ладо Месхишвили перевел на грузинский язык пьесу «Василиса Мелентьева» для того, чтобы сыграть роль Ивана Грозного. Он же в 1906 году в бенефисном спектакле выступал в роли врача Нивина в пьесе «Счастливый день». В 1901 году в бенефис известной артистки Елизаветы Черкезишвили впервые в Грузии была показана комедия «Волки и овцы». Особенным успехом пользовались спектакли «Доходное место» и «Без вины виноватые»; последняя пьеса до сих пор с большим успехом идет на сцене Театра имени Руставели.

...Осенью 1883 года А. Н. Островский был в Грузии. Тогда особенно горячо проявились симпатии к нему грузинских передовых демократических кругов. Встреча показала, какими прочными узами соединены русская и грузинская культуры. Драматург записал в своем дневнике: «Вечером в театре Арцруни грузины давали для меня спектакль... У входа на улице, на лестнице и по галлереям... стояла несметная толпа народа... При моем входе в ложу поднялся занавес, вся грузинская труппа в национальных костюмах была на сцене. Режиссер труппы прочел мне приветственный адрес, очень тепло и умно написанный, а грузинский поэт Цагарели прочитал свое стихотворение на грузинском языке, затем под аккомпанемент оркестра труппа запела по-грузински многолетие, вся публика встала и обратилась к моей ложе, — многолетие, по требованию, было повторено...»

Приветственный адрес был составлен видным грузинским общественным деятелем Н. Николадзе и прочитан от лица грузинского театра артистом В. Абашидзе. В приветствии актеры обращались к Островскому, как к «дорогому учителю». «Мы бесконечно счастливы,—говорилось в адресе,—что на нашу скромную долю выпала высокая честь послужить при помощи Ваших творений одним из звеньев моральной связи между двумя этими народами (русским и грузинским. — В. И.), имеющими столько общих традиций и стремлений, столько взаимной любви и симпатий».

Проявляя живейший интерес к грузинскому народу, его театру и драматургии, к грузинскому музыкальному фольклору, писатель предпринял путешествие по Грузии. Страна очаровала его своей природой, людьми. Дневник писателя содержит много записей, свидетельствующих об этом. Познакомившись с труппой театра и оставшись довольным ее талантливым составом, драматург высоко оценил самоотверженное служение актеров народу, национальной культуре. Узнав о тяжелом материальном положении театра, А. Н. Островский потребовал от кавказского начальства финансовой дотации театру. «Высокое» начальство отказало в помощи, но грузинский народ оценил поступок великого писателя в годы мрачной реакции, в годы преследования всего грузинского, ставшего на защиту молодого национального театра. Народ Грузии еще раз убедился, что существуют две России—Россия передовой, могучей культуры, страна Пушкина, Лермонтова, Белинского, Чернышевского, Островского, и Россия реакционная—Россия царя, его сатрапов, жестоких алчных колонизаторов.

В Островском все передовые люди Грузии видели достойного представителя великого братского народа. Так же, как в 1829 году общественность Тифлиса необычайно тепло встретила А. С. Пушкина, в 1883 году она чествовала А. Н. Островского.

После поездки в Грузию, которая доставила А. Н. Островскому, по его словам, «много удовольствия и немалую пользу», драматург написал пьесу «Без вины виноватые». Это был замечательный подарок русской культуре, а вместе с тем и грузинской. Александр Николаевич говорил о своем новом произведении: «Это чуть ли не пятидесятое мое оригинальное произведение, и очень дорогое для меня во многих отношениях: на отделку его потрачено много труда и энергии, оно писано после поездки на Кавказ, под впечатлением восторженного приема, какой оказывала мне тифлисская публика».

После смерти писателя грузинский журнал «Театр» в статье, посвященной светлой памяти гиганта русской драматургии А. Н. Островского, писал: «И для нас, грузин, также не был ты далеким, чужим, талантливый и честный деятель, и потому навеки-вечные останется среди грузин твое незабвенное имя».

В. МЕССЕР

Добролюбов и Островский

Островский для Добролюбова был тем же, кем был Гоголь для Белинского. В Островском Добролюбов увидел новую эпоху русской общественной жизни, новый расцвет реализма русского искусства.

Первый и единственный из современников молодого Островского, Добролюбов понял и об'яснил, что в русскую литературу пришел не «поэт новооткрытой страны», не «Колумб Замоскворечья», а великий художник-реалист, достигший «полноты изображения русской жизни». Добролюбов нанес решительный удар по буржуазно-либеральному толкованию Островского, как «бытовика», этнографического писателя, историка купеческих нравов. Пользуясь словами Ленина о Чернышевском, можно сказать, что от добролюбовских страниц, посвященных Островскому, веет духом классовой борьбы. В «темном царстве» Добролюбов увидел всю дореформенную Россию, всю ужасающую картину бесправия народа. «Тесная тюрьма», «бессовестная неестественность общественных отношений, происходящая вследствие самодурства одних и бесправия других»,—таковы бесчисленные гневные определения темного царства, ставшего в устах Добролюбова реальным символом социально-политического угнетения и подавления личности.

Но Добролюбов не только определил глубину и жизненную правдивость пьес Островского. Он увидел в них «потребность возникающего движения русской жизни», услышал «отголосок стремлений, требующих лучшего устройства».

«Возьмите историю, вспомните свою жизнь, оглянитесь вокруг себя, — страстно взывал Добролюбов к своему читателю, — Островский захватил такие стремления и потребности, которыми проникнуто все русское общество, которых голос слышится во всех явлениях нашей жизни, которых удовлетворение составляет необходимое условие нашего дальнейшего развития».

Произведения Островского были для Добролюбова не поводом, а реальным материалом для утверждения программы революционно-демократической борьбы.

В статьях Добролюбова о великом драматурге раскрыты основы творчества Островского, определившие его тесный союз с журналами революционной демократии и личную дружбу с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным.

Становится понятным, почему Островский не мог удовлетвориться той канонизацией старинных форм народного быта, к которой тянули его славянофилы. Он писал: «Обличение — характерная русская черта. Чем произведение изящнее, тем оно народнее, чем оно народнее, тем больше в нем обличительного элемента... Публика ждет... облеченного в живую изящную форму своего суда над жизнью... И художественная литература дает такие образы..., не позволяет возвращаться к старым, уже осужденным формам, заставляет искать лучших, т. е. заставляет быть нравственнее. Это обличительное направление нашей литературы и можно назвать нравственно-общественным направлением». Это понимание народности предопределяет дальнейшее приближение драматурга к революционным демократам с их прогрессивной трактовкой проблемы народности. Добролюбов имел все основания утверждать: «Островский — не славянофил, не западник, а явление действительной жизни». Действительной жизнью была для Добролюбова освободительная борьба русского народа, ее идеи и ее эстетика.

Статьи Добролюбова разрушают и легенду о якобы присущем Островскому об'ективизме. Добролюбов показал, что за «темным царством» Островского стояло все самодержавное государство, а «светлый луч» символизировал решимость народа к активному протесту. Такой широкой трактовкой он как бы предопределил дальнейший расцвет драматургии Островского именно в обоих указанных им направлениях. Действительно, все более разносторонним становится в пьесах Островского изображение «темного царства». Большовых и Кит Китычей сменяют Кучумовы, Глумовы, Кнуровы, Великатовы, Прибытковы. Уланбекова уступает место Гурмыжской и Мурзавецкой. Добролюбов умер задолго до этого грандиозного расширения масштаба «темного царства» Островским. Но можно утверждать, что своей социально-политической трактовкой этого понятия Добролюбов предвосхитил, предсказал такое развитие и идейно воздействовал на Островского в этом направлении.

Добролюбов погиб, успев увидеть и горячо приветствовать лишь один такой луч света — Катерину в «Грозе». Но его гениальное революционно-демократическое истолкование этого образа, несомненно, сыграло огромную роль в расцвете «светлого царства» в мире образов Островского. Если Катерине предшествовал Жадов в «Доходном месте», старый учитель Иванов и его дочь в пьесе «В чужом пиру похмелье», то после Катерины, после ее истолкования, данного Добролюбовым, возникают Несчастливцев и Аксюша в «Лесе», гневный протестант — студент Мелузов в «Талантах и поклонниках», Кручинина и Незнамов в «Без вины виноватые», Лариса в «Бесприданнице», студенческая молодежь в «Трудовом хлебе». Все яснее и определеннее становится в 70-х годах социально-политический облик этих героев, трагичнее их судьба, осознаннее и решительнее их протест против всего строя общественной жизни. Это все — горячие сердца, зажженные гневным протестом, сознанием прав своей личности и борьбой за освобождение.

Реакционная легенда о «падении прогрессивных настроений» Островского в 70-х годах, об «оскудении его таланта», состряпанная либералами, не изгнана еще со страниц современных учебников истории русской литературы и работ об Островском. Рядом с описанием новых тем и образов Островского указываемой поры, в ряде работ утверждается, что, «не преодолев до конца тяготения к буржуазии, Островский идет на компромисс и с трудом хранит обрывки демократического знамени» (С. Шамбинаго. «А. Н. Островский», 1937 г.).

Островский любил горячие сердца и стремление к свету в своих героях. И один только Добролюбов понял «светлое царство» Островского, пробивающееся из темноты угнетения. Поэтому-то и кончает он статью «Луч света...» словами об «отрадном конце «Грозы». Гениальные статьи Добролюбова бросают не луч, а целый сноп света на всю драматургию Островского. Они об'ясняют и причину небывалого в истории русского театра успеха пьес Островского у современного советского зрителя.

Добролюбов нашел в Островском творческий источник для раскрытия основ своей революционно-демократической эстетики.

Островский же нашел в Добролюбове идейную и эстетическую опору для своего дальнейшего развития. Опыт этого идейного воздействия критической мысли на художественную литературу чрезвычайно поучителен для нашей современной литературной жизни. За тридцать лет советской литературы создано немало художественных образов, достойных широких и идейных эстетических обобщений. Чапаев, Левинсон, Корчагин, Давыдов, герои «Педагогической поэмы» и «Молодой гвардии», Зоя, Воропаев, Мересьев, Рябинин... Сколько крупнейших образов советской литературы заслужили критическое истолкование, способное усилить их влияние на читателя, превратить их в нарицательное понятие, в синоним крупного явления современной жизни.

В нашей критике, при ее несомненных успехах, почти нет еще работ, которые жили бы в читательском сознании неотрывно от самого художественного произведения и наравне с ним.

Огромное влияние революционной критической мысли на читателя и на творческое развитие художника — вот в чем великая сила статей Добролюбова об Островском, вдохновляющая современную критику сила примера.

С. ЗЛОБИН

Правда об Иване Грозном

Знание истории прошлого позволяет яснее и отчетливее понимать настоящее и предвидеть будущее. Реакционные деятели старой России представляли себе значение исторической художественной литературы и часто пытались использовать ее в своих целях. Литературная клевета на положительные, исторически-прогрессивные тенденции и образы прошлого была одним из приемов реакции для воспитания рабской психологии в народе.

Одной из жертв такой клеветы в истории России был образ царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным. Замалчивая подлинную роль Грозного в процессе формирования русского государства, реакционные писатели восхваляли, как благородных „поборников правды", его врагов в боярских бобровых шапках или монашеских клобуках, изменников родины и перебежчиков во вражеский лагерь, подобных Курбскому.

Перед советской художественной литературой встала огромная задача — очистить исторические образы от псевдо-художественной и псевдо-исторической шелухи. С честью выполнили советские писатели ряд серьезных задач в освещении прошлого новым правдивым светом. Ярким примером нового отношения к истории нашей родины является «Петр I» Ал. Толстого.

Раскрыть подлинное значение исторических событий, определявших судьбы нашей страны и ее народов, изобразить рождение великого многонационального могучего государства, призванного сыграть величайшую роль в развитии человечества, провести водораздел между прогрессивными и реакционными тенденциями в прошлом,— вот к чему стремятся советские художники, когда принимаются за изображение истории прошлого.

Именно так подошел к своей задаче В. Костылев в трилогии «Иван Грозный». Писатель мастерски раскрыл образ царя Ивана — государственно мыслящего, умного и беспокойного человека, сознающего ту огромную ответственность за судьбу отечества, которую возлагает на него положение властителя и руководителя великого государства.

Разоблачая историческую клевету на Грозного, как измышление его политических врагов, В. Костылев не поддался соблазну идеализации своего героя. Он показал, как, враждебный реакционному боярству, уничтоживший немало врагов, но терявший иными друзей, охваченный недоверием почти ко всем окружающим, царь Иван глубоко и болезненно переживает то, что так мало верных людей вокруг его трона.

Талантливый политический деятель, жадный к знанию, настойчивый и упорный в достижении поставленной цели, Иван Грозный показан вместе с тем, как человек, непрерывно мятущийся, раздираемый противоречиями своего характера. Трагизм положения, однако, не колеблет его принципиальной целеустремленности, его воли. Он знает, чего хочет.

Костылеву удалось подчеркнуть в образе Ивана Грозного самое главное. В трилогии он предстает перед нами, как создатель централизованного государства, сумевший почувствовать потенциальную мощь своей родины и ее народа, понять необходимость выхода России на широкую дорогу мировой истории.

Грозный—умный политик, он старается использовать противоречия в политической жизни Европы в интересах своего государства, стремится найти политических попутчиков, направить одного из своих врагов против другого.

В своем романе В. Костылев создает ряд исторических образов, сопутствующих или противоборствующих Грозному. Просто и убедительно написаны прогрессивные деятели эпохи — пушечный мастер Андрей Чохов, первопечатник Иван Федоров и другие. Ярко и интересно показан молодой Борис Годунов.

Останавливаясь на истории Европы XVI столетия, автор дает яркое представление о жизни тогдашней Европы, он изображает Лондон, охваченный жаждой наживы, Рим с его католическим мракобесием и распутством.

Своей поэтической и реалистической трилогией «Иван Грозный» В. Костылев сделал ценный вклад в художественное освещение исторического прошлого нашей Родины.

Ф. КРАВЧЕНКО

СИЛА КОЛХОЗНОГО СТРОЯ

«Тридцать лет мы бьемся, чтобы подрезать корни прошлого, а они — нет-нет, да покажутся! А ты, Твердова? Оживлением их занялась? Не забыла ли ты, что есть на белом свете силы, которые в ножки тебе поклонятся за то, что ты для них Тихих растила! Уж они бы сыграли на них, подвернись им такой случай!» — с такими словами обращается один из героев пьесы Николая Вирты «Хлеб наш насущный», секретарь райкома партии Рогов к председателю райисполкома Твердовой в то время, когда уже и для нее становится ясным подлинное лицо руководителя колхоза «Новины» — Тихого, прожженного жулика и врага народа. Тихой отнюдь не похож на кулаков первых лет коллективизации, а душа у него кулацкая. Ему «только» хочется, чтобы коллективное хозяйство служило его собственническим целям. Тихой говорит Рогову: «Чтоб у каждого верного моего мужика — двухэтажные дома, коровы, лошади. Машины легковые марки «Победа»! Лично себе «ЗИС-110». Чтоб чувствовали — Тихой едет, хозяин, сторонись!» В этих словах выражена затаенная мечта Тихого. Он стремится приспособить колхозную форму организации для чуждого ей содержания. Прикидываясь шутником и балагуром, Тихой упорно проводит свою особую «политику». С помощью взятки он добывает фальшивую квитанцию о сдаче хлеба государству, а хлеб «припрятывает», помня, что «ныне у того в руках политика, у кого хлеб...»

Крах Тихого неизбежен, ибо ему противостоит масса колхозного крестьянства, преданного социалистическим устоям колхозного строя. Преступная деятельность Тихого стала временно возможной только потому, что такие руководители, как Твердова, превратились в бездушных администраторов, оторванных от народа, утратили необходимое качество — умение разбираться в людях.

Картина порочного стиля руководства Твердовой наглядно разоблачается в пьесе. Твердова по существу давным-давно утеряла партийный облик, подчинила всю свою деятельность узкоэгоистическим инстинктам, ожившим в ее душе.

В пьесе Н. Вирты идет речь о борьбе за хлеб, о том, что передовые люди колхозной деревни, ведомые партией, решительно сметают на своем пути враждебные элементы и неудержимо шагают вперед, к коммунизму.

Значение этой партийной и страстной пьесы в том, что писатель в образах Твердовой и Тихого разоблачил те отрицательные явления в жизни советской деревни, которым положило конец историческое постановление Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», — явления разбазаривания общественных земель, нарушения основ колхозной демократии.

Разоблачая людей типа Тихого и Твердовой, Николай Вирта показывает и то новое, что успешно развивается в советской деревне, — великую силу колхозного крестьянства.

Мы знаем, что приезд бывшего секретаря райкома партии Рогова в свой район ускоряет поражение Тихого. Но в то же время ясно, что и независимо от приезда Рогова Тихой был бы разоблачен. Драматург убеждает нас в этом, показывая передовых людей колхозной деревни, — Марию Рогову, Наташу Балашову, Романа Мохова, Матрену Зорину.

В образе Алексея Рогова драматург рисует опытного партийного руководителя и рачительного хозяина района, умеющего смотреть далеко вперед, сочетать в своей работе выполнение текущих задач с планами на будущее. Его жена Мария Рогова — типичный представитель новой колхозной интеллигенции. Агроном по образованию, она ищет живого дела, становится председателем колхоза, ее знания, организаторский талант и партийная убежденность привлекают к ней сердца людей, и в колхозе «Новый путь» рождается монолитный, энергичный коллектив людей, совершающих подвиг труда.

В пьесе «Хлеб наш насущный» заложены патриотические идеи, способные увлечь зрителей. Это становится особенно ясным в зале столичного театра, где сотни горожан с напряженным вниманием следят за развитием событий в сельском районе. То, что происходит на сцене, близко и понятно каждому советскому человеку.

С. НАГОРНЫЙ

ПАФОС НОВОЙ МОРАЛИ

Как сказано в подзаголовке пьесы А. Софронова «В одном городе», — «действие происходит в промышленном городе областного подчинения».

Только что окончилась война. В центре внимания — план реконструкции. Каким быть городу? — вот вопрос, который волнует всех. Вокруг проекта разгорается борьба.

Председатель горисполкома Ратников увлечен своим замыслом создать город гигантских зданий, город бетона, стекла и асфальта. Он утверждает, что его проект рассчитан «на потомков».

На самом же деле этот проект никому не нужен — ни современникам, ни потомкам, потому что он не отражает стремления к красоте и уюту, в нем нет любви к человеку.

Пьеса убедительно показывает, что подобные замыслы могли возникнуть у Ратникова только потому, что он давно уже оторвался от жизни и интересов простых людей — своих избирателей, тех, кто в самоотверженном труде скромно и доблестно строит будущее. Он забыл, что забота об их быте — главнейшая его обязанность.

Ратников полагает, что он может пренебрегать повседневными нуждами своих избирателей и общественным мнением. Он лишен чувства самокритики, необходимого каждому советскому человеку.

В пьесе Ратникову противостоят подлинные большевики во главе с секретарем городского комитета партии Иваном Васильевичем Петровым.

Интересно наблюдать, как Петров руководит людьми.

Роль Петрова, внешне лишенная активного действия, на самом деле имеет решающее значение: именно он, партийный руководитель, помогает каждому поступать наилучшим образом — иначе говоря, быть самим собой, советским человеком.

Ответственный работник Бурмин сначала колебался: ему, заместителю Ратникова, казалось «неловким» выступать с критикой председателя горисполкома, — могут, дескать, подумать, что он его «подсиживает». Клавдия, дочь Бурмина, молодая журналистка, написала статью, изобличающую Ратникова, но она тоже опасается, что статья эта будет воспринята, как личный выпад: ведь она — дочь Бурмина. Архитектору Горбачеву нехватает уверенности, он не умеет с достаточной энергией отстаивать принципы, в справедливости которых убежден.

Всем им помогает занять правильную, принципиальную позицию Петров.

В пьесе живой язык, много наблюдательности и юмора, это очень живое произведение. «Так бывает, — говоришь себе, — да, так бывает, такие люди и обстоятельства встречаются — и не только «в одном городе».

Но успех пьесы Анатолия Софронова, кажется мне, об'ясняется, в первую очередь, тем значением, которое в ней придано нравственным нормам, выработанным на опыте нашего общества.

Идея, которой предан автор этой пьесы, которую он горячо отстаивает и стремится внушить зрителю, — это идея ответственности любого деятеля в нашей стране перед народом. «Нам с тобой перед жителями отвечать», — напоминает Ратникову Петров.

Пафос пьесы—в ее партийности. Это—новаторская пьеса, в ней идет речь о коммунистической морали, о нравственных принципах нового, социалистического общества.

Для человека, с которым сближаешься в пьесе Софронова, превыше всего — высокая идейность, сердечная правдивость, душевная чистота. И себя, и других он проверяет по твердым законам морали. Морально же для него то, что необходимо народу, строящему коммунизм.

Н. КАЛЬМА

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ

Молчаливый крепыш. Неторопливый, не по-детски солидный, думающий о чем-то своем. Этакий мужичок с ноготок. Таким предстает перед читателем Костя Малышев — герой повести И. Ликстанова «Малышок».

Вначале Костя растерян: брат, охотник и старатель из Ивделя, отправляясь на фронт, послал его в город, к дяде. Но и дядя оказывается на фронте, вдобавок в поезде выкрали все документы, и вот на вокзале, в незнакомом большом городе сидит маленькая, с'ежившаяся фигурка мальчика.

Но очень скоро Костя Малышев находит свою судьбу: военный завод набирает молодых рабочих, и в одну из таких групп попадает Малышок. С этого мгновения вся его жизнь теснейшим образом связана с заводом: рост завода — его собственный рост, и успехи производства — его собственные успехи.

Дыхание войны чувствуется на каждой странице этой повести: ее герои всеми своими интересами и тревогами связаны с фронтом. Завод производит детали для «катюш», и это придает особую значительность каждому, даже мелкому, на первый взгляд, делу. И когда Костя становится «снайпером молотка» и показывает, как быстро умеет он сколачивать щиты для ящиков, то это — особенно важное событие именно потому, что ящики нужны для «катюшиных» деталей и в этих ящиках отправится на фронт то грозное оружие, которое немцы в своих первых донесениях называли «губительной молнией».

Мы с интересом следим за превращением «ивдельского медвежонка» в умелого, страстно влюбленного в свое дело молодого рабочего. Ликстанов любит машину, завод, самый процесс производства и умеет передать читателю этот азарт труда, горячность, кровную заинтересованность во всем, что касается завода и его дел. Технический процесс он описывает по-настоящему поэтично:

«Вот она включила рубильник. Наждачный круг быстро завертелся, отбрасывая капельки воды. Вот она, наморщив лоб, крепко прижала к черному блестящему наждаку резец, и вверх ударил фонтан белых искр. Казалось, что девочка схватила за голову длиннохвостую комету».

И Малышок, приобщенный к этой поэзии труда, захваченный могучим движением всего народа, работающего для победы, чувствует себя уже не прежним таежным мальчонкой, а настоящим хозяином жизни.

«Не сталь резала сталь, а он, Константин Малышев, вспотевший и счастливый, резал ее своей волей... Много радостей может быть у человека, но эта радость взлетает так высоко, что открывается весь широкий мир, и мир становится родным, собственным. Была черная труба-заготовка, одна из тех, которые тысячами лежат в штабеле под снегом, а он коснулся ее резцом, она приняла его труд и стала дорогой, нужной. Чего не сделает человек, умеющий резать сталь! Вот горы — он их сроет, вот реки — он их запрудит, вот тайга — он прорубит в ней широкие просеки и построит города, вот немец идет на его землю войной — он пожжет, уничтожит фашистов, потому что он хозяин металла, он мастер «катюши»!

Кроме Малышка, в центре повести еще четыре персонажа: две девочки — Катя и Леночка и два мальчика — Сева и Колька.

Это живые, настоящие, зримые ребята. За всеми событиями этой повести читатель следит с неослабевающим интересом, совершенно покоренный той интонацией искренности и чистоты, которая придает произведению особенную прелесть.

Легко, естественно входит в книгу и публицистика, которой автор совершенно не боится. Язык повести—сочный, образный и свежий. Ликстанов часто пользуется прибауткой, чисто уральскими словечками.

Слабее в повести вся линия «Синего тумана» — выдуманной страны, куда ребята собираются итти за золотом. Возможно, что молодой писатель, рассказывая о заводе, о производстве, в какой-то момент испугался, что «материя» чересчур суха. И вот тогда-то для пущего интереса и романтизма изобретаются разные «Синие горы» и «Синие туманы». По право же, автору «Малышка» не нужно было таких выдумок. Его повесть и без того поэтична и увлекательна. Ее с большим интересом прочтут не только дети, но и взрослые.

Об одном философском кентавре

Недавно вышел в свет второй номер теоретического журнала «Вопросы философии».

Отразил ли журнал изменения, которые произошли на философском фронте после философской дискуссии? Этот вопрос волнует не только философов, но и широкую советскую общественность. Редакция «Литературной газеты» предоставляет место откликам читателей на некоторые статьи этого журнала.

Проф. А. МАКСИМОВ

В № 2 журнала «Вопросы философии» в порядке обсуждения помещена статья проф. М. А. Маркова «О природе физического знания». Мимо этой статьи пройти нельзя, так как она затрагивает коренные проблемы философской науки, пытается решить вопрос о познаваемости микро-мира, т. е. мира атомов, атомных ядер, элементарных частиц.

Суть концепции проф. М. А. Маркова такова: человек—макроскопическое существо, т. е. существо, качественно отличное от предметов и явлений микро-мира. Все его средства познания могут служить лишь для познания макро-предметов, предметов, непосредственно доступных и воспринимаемых человеком. Все понятия, которыми оперирует человек, — макро-понятия, т. е. понятия, выработавшиеся в процессе познания макро-мира. Иные понятия для человека, как макро-существа, немыслимы.

Как же обстоит дело с познаваемостью микро-мира по Маркову? Непосредственно человеку микро-мир недоступен. Он становится доступным ему лишь через приборы. Физические приборы человек строит так, что они в состоянии воспринимать воздействия микро-мира. Эти воздействия превращаются в приборе в явления макро-мира, которые, будучи доступными человеку, и изучаются учеными. Но изучая микро-мир, человек, по мнению М. А. Маркова, остается в пределах макро-явлений и макро-предметов. Однако человек все же убеждается, что закономерности микро-мира иные, чем макро-мира. Принужденный оперировать лишь макро-понятиями, человек комбинирует эти понятия так, как это ему никогда не приходилось делать при познании макро-мира. Получаются противоестественные, с точки зрения обыденной макроскопической практики, комбинации понятий—своего рода логические «кентавры» [1].

Так как микро-мир недоступен, по мнению М. А. Маркова, непосредственному познанию человека и познается лишь через приборы, то применение приборов накладывает неустранимый отпечаток на характер познания микро-мира. Прибор, вступая во взаимодействие с микро-миром, изменяет этот микро-мир, вносит в него свое воздействие. Следовательно, микро-мир предстает пред человеком не как таковой, а всегда в макроскопическом отображении. Такова суть концепции М. А. Маркова. На основе ее он и приходит к своим кентаврообразным выводам.

«Под физической реальностью (микро-мира.—А. М.) понимается,—пишет он,—та форма реальности, в которой реальность проявляется в макро-приборе» (стр. 163). «Характер измерения (явления микро-мира в приборе.—А. М.) существенно входит в определение физической реальности» (стр. 163). «Понятие физической реальности квантовой теории в этом смысле «человечно», оно подчинено человеческой деятельности» (стр. 164). «Вопрос, в каком виде существует, как «выглядит»... электрон «сам по себе», когда его не наблюдают, лишен в некоторых своих свойствах однозначной макроскопической определенности» (стр. 165).

Защищая эти положения, М. А. Марков следующим образом «опровергает» воззрения метафизического материализма: «Метафизический материализм, рассматривая предмет, действительность лишь в форме об'екта или в форме созерцания, а не в форме человеческой деятельности, не способен материалистически анализировать это сложное взаимоотношение суб'екта и об'екта. Он игнорирует специфическое макроскопическое положение суб'екта и макроскопическую форму познавательной деятельности человека» (стр. 165).

Итак, по М. А. Маркову, метафизический материализм, имея дело с макро-миром, рассматривал предметы природы как об'екты, т. е. как нечто независимое от человека, а «новейший материализм», исходя из данных изучения микро-мира, рассматривает их как «форму человеческой деятельности».

Чтобы закончить характеристику воззрений М. А. Маркова, необходимо указать еще на то, что он, во-первых, со всей ясностью подчеркивает в своей работе, что развиваемая им точка зрения является якобы материалистической популяризацией взглядов некогда датского, а ныне американского ученого Нильса Бора; и, во-вторых, что М. А. Марков производит материалистическое «обоснование» воззрений Н. Бора, исходя из известного тезиса Маркса о Фейербахе, в котором говорится, что недостаток всего предшествующего, домарксовского материализма заключался в том, что предмет, действительность брались только в форме об'екта или созерцания, а не в форме человеческой чувственной деятельности, не в форме практики, не суб'ективно.

Посмотрим, однако, прежде всего, правильно ли утверждение, что человек—макроскопическое существо, отгороженное непроходимой стеной от микро-мира?

Человек, как предмет природы, не просто макроскопический предмет, а предмет, состоящий из микро-предметов. Тело человека составлено из атомов, ионов, электронов и пр. Микро-мир лежит не вне тела человека, а само тело человека есть некая совокупность микро-предметов и микро-процессов. Следовательно, противопоставление макро- и микро-мира, без учета того, что тело человека, как и всякий макро-предмет, включает в себя и микро-мир, не имеет никакого смысла.

Еще нелепее будет выглядеть это противопоставление, если учесть, что процесс взаимодействия тела человека с внешним миром покоится именно на микро-процессах. Возьмем зрение. Зрительный процесс восприятия внешнего раздражения в форме света происходит таким образом, что кванты света воздействуют на вещество, находящееся в колбочках или палочках сетчатки, и вызывают фотохимические процессы изменения этого вещества. И свет и фотохимия сетчатки—это самые настоящие микро-процессы. Такими же микро-процессами являются и процессы нервной проводимости раздражения от сетчатки по нерву к элементам центральной нервной системы. Глаз замечателен еще тем, что он непосредственно способен воспринимать «один или несколько квантов» света (см. С. И. Вавилов. «Глаз и солнце». 1932 г., стр. 51).

Точно так же и самый процесс переработки внешнего раздражения в факт сознания в центральной нервной системе,—если этот процесс рассматривать с физической стороны,—есть процесс отнюдь не макроскопический.

Следовательно, макро- и микро-мир не разделены непреодолимой стеной и нет макро-мира вне и помимо микро-мира. Макро-мир—как бы надстройка над микро-миром, нечто более высокое и более сложное в процессе развития материи, чем микро-мир.

Так как нет макро-процессов, изолированных от микро-процессов, то естественен вывод о том, что микро-явления не суть нечто чуждое, недоступное человеку непосредственно, а нечто такое, что составляет подоснову всех процессов, происходящих в человеке, как предмете природы. Поэтому познание человеком микро-мира есть нечто такое, к познанию чего человек подготовлен всей историей развития материального мира. Поэтому утверждение о том, что человек раз и навсегда заключен в рамки макро-мира и макро-понятий, — неверно.

М. А. Марков вслед за Бором утверждает, что в физических опытах налицо такое взаимодействие микро-мира с прибором, которое, по существу, не может быть устранено. Однако этот аргумент ничуть не затрагивает основного гносеологического вопроса о том, существует ли до применения человеком прибора микро-действительность с такими-то свойствами? М. А. Марков отвечает, что она не существует, а «приготовляется» прибором. Самой по себе микро-действительности, по М. А. Маркову, вне взаимодействия с приборами не может быть приписано каких-либо свойств. Она в лучшем случае кантовская «вещь в себе», свойства которой создаются при взаимодействии с физическим прибором. Этот ответ антинаучен и является в развитии философии поворотом назад, к давно прошедшим временам.

Еще Маркс опровергал тех мыслителей, которые полагали, что свойства данной вещи создаются ее отношением к другим вещам. Он доказывал, что эти свойства не создаются, «а лишь обнаруживаются в таком отношении». И это положение целиком приложимо к тому случаю, который рассматривает М. А. Марков.

М. А. Марков, желая быть марксистом, хочет одновременно доказать, что воззрения Н. Бора соединимы с марксизмом. Эпиграфом к своей статье он избрал выдержку из первого тезиса Маркса о Фейербахе. Исходя якобы из этого тезиса, он утверждает в своей статье, что диалектическому материализму, в отличие от метафизического, будто бы свойственно рассматривать об'ект в неразрывной связи с суб'ектом, в «форме человеческой деятельности» (стр. 165). Этим тезисом Маркса он пытается обосновать свое положение о том, что микро-явления не обладают свойствами вне человеческой практики.

Но нетрудно убедиться в несостоятельности этих попыток опереться на марксизм. Маркс и Энгельс подчеркивали, что именно диалектический материализм порвал с неправильным подходом к природе, применявшимся метафизическим материализмом. Метафизический материализм вносил, писали они, абсолютные различия, непроходимые грани в природу, которых в ней в действительности нет. Такие же метафизические грани вносит и М. А. Марков, утверждая наличие непроходимой грани между макроскопической природой человека и микро-миром.

М. А. Марков цитирует лишь часть первого тезиса Маркса о Фейербахе. Читая дальше, нетрудно убедиться в том, что Маркс в слова «суб'ективно», «практика» и пр. вкладывал определенный смысл, а именно — об'ективный мир познается активно, суб'ект своей практикой воздействует на мир, изменяет его. А это ничего общего не имеет с трактовкой этого вопроса М. А. Марковым.

Маркс, критикуя Фейербаха и весь предшествующий материализм, критиковал их созерцательность, нереволюционность в отношении к обществу, идеализм в понимании общественных явлений. Маркс, совместно с Энгельсом, достроил материализм «доверху», распространил его и на общественные явления, превратил материализм в руководство к действию масс, сделал материализм орудием революционной перестройки действительности. Тем самым был совершен величайший переворот в философии. Но этот переворот лишь укрепил и углубил основное положение теории познания материализма, состоящее в том, что природа и общество, переделываемые человеком в процессе его общественной практики, существуют вне и независимо от его сознания, от человека как суб'екта познания.

М. А. Марков утверждает, что «характер измерения существенно входит в определение физической реальности». Это значит, что реальность, как таковая, вне измерения или не существует совсем или существует как нечто, получающее свойства в процессе взаимодействия с прибором. Если встать на эту точку зрения, то нужно утверждать, как это и делает Н. Бор, что пространственно-временные свойства электрона создаются прибором, что электрон обладает меньшей реальностью, чем обычные тела, что до возникновения современной физики с её приборами микро-мир не обладал пространственно-временными свойствами, не существовал в пространстве и времени.

Вместо революционного понимания тезисов Маркса о Фейербахе, М. А. Марков хочет навязать советскому читателю суб'ективно-идеалистическое толкование проблемы об'ект—суб'ект в теории познания. Но ведь это поворот вспять!

Боровское истолкование соотношения неточностей квантовой механики есть отход от материализма и не приемлется многими физиками. К числу наиболее видных из них принадлежит покойный П. Ланжевен. Против идеалистических выводов Нильса Бора неоднократно выступал академик С. И. Вавилов. Почему же М. А. Марков не разобрал хотя бы взгляды П. Ланжевена?

Причина этого, как нам представляется, проста. Вся статья М. А. Маркова—апологетика философских воззрений Н. Бора, попытка материалистически истолковать идеалистические положения Бора, Гейзенберга и других, перешедших в лагерь идеализма физиков, соединить Бора с Марксом.

Но ведь Маркса уже неоднократно пытались соединить с Кантом, Гегелем, Махом, и известно, чем это кончалось. Такова же судьба и попыток М. А. Маркова соединить Маркса с философскими воззрениями Нильса Бора. Такой философский кентавр совершенно нежизнеспособен.

У М. А. Маркова, видного физика-теоретика, есть, несомненно, и похвальное стремление—усвоить и применить достижения зарубежной физики. Все действительные достижения зарубежной физики, в том числе и физические открытия Нильса Бора, должны осваиваться советскими учеными. К числу таких достижений относится математическая разработка теории квантовой механики, основанной на соотношении неточностей. Наши ученые должны усваивать и дальше двигать современные теории.

Но ведь теория Бора в изложении ее творца сопровождается также определенной философской трактовкой. М. А. Марков сам в начале своей статьи подчеркивает, что те проблемы, которые он будет рассматривать, суть проблемы теоретико-познавательные. Но разве теория познания, защищаемая Н. Бором, — материалистическая теория? Разве она адэкватна физическому содержанию его математических трудов?

М. А. Марков хочет убедить советского читателя в том, что вместе с физическими воззрениями Н. Бора мы должны принять и его философские воззрения. Но с этим согласиться никак нельзя, ибо философские воззрения Н. Бора—типичный продукт идеологической реакции, порождаемой эпохой империализма в буржуазных странах. Философские воззрения Н. Бора—тот самый нежизнеспособный продукт, отброс, который подлежит, по определению Ленина, отправке в помещение для нечистот. «К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. д.».

Ленин и Сталин призывали и призывают советскую интеллигенцию вести свою линию, противопоставлять реакционным тенденциям в развитии буржуазной науки передовую, подлинно научную линию марксистско-ленинской философии. К этому же призывал на философской дискуссии и тов. А. А. Жданов. Констатируя, что «кантианские выверты современных буржуазных атомных физиков приводят их к выводам о «свободе воли» у электрона», тов. А. А. Жданов говорил: «Кому же, как не нам—стране победившего марксизма и ее философам— возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии, кому, как не нам, наносить ей сокрушающие удары!».

К сожалению, М. А. Марков не последовал этим призывам.

[1] Кентавры — мифические существа, полулошади, полулюди.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

БУМАГА ИЗ СОЛОМЫ

В № 22 «Литературной газеты» было напечатано письмо кандидата сельскохозяйственных наук тов. Н. Натальина об использовании рисовой соломы для производства бумаги.

Переработка на целлюлозу соломы вообще (включая рисовую), разного рода трав, стеблей хлопчатника и т. д. действительно является проблемой, заслуживающей большого внимания.

Могут сказать, зачем тратить внимание и средства на переработку соломы, когда мы богаты лесом. Такой вывод был бы неправильным.

Заготовка древесины — пожалуй, самая трудная часть в процессе производства целлюлозы. Между тем солома более доступна и очень часто в сельскохозяйственных районах остается неиспользованной.

При переработке соломы, злаков, трав и стеблей хлопчатника получается целлюлоза высокого качества.

Вопрос о переработке соломы на целлюлозу для Советского Союза не нов. Указание тов. Н. Натальина на существование в прошлом Киевской опытной бумажной фабрики—правильно. Примерно в 1941 году мне приходилось читать отчет по этой работе специалистов бумажной промышленности. Возможность переработки соломы на целлюлозу была технически и экономически доказана.

Пора Министерству целлюлозной и бумажной промышленности СССР использовать проведенную перед войной подготовительную работу в этой области и перевести всю проблему на практические рельсы.

Проф. Б. САСС-ТИСОВСКИЙ

НЕНУЖНОЕ ПОДРАЖАТЕЛЬСТВО

В силу какой-то нелепой традиции различные машины и аппараты, выпускаемые для нашей промышленности советскими заводами по чертежам, разработанным в СССР советскими конструкторами, носят названия иностранных фирм.

Уже давно всеми забыто то время, когда, например, силикатные машины ввозились в СССР из-за границы. Новые машины, выпускаемые советскими заводами, ни внешним видом, ни конструкцией не напоминают те «тоншнейдеры», «тонгобели» и «шибебюне», которые 15 лет назад приобретались нами в Германии. Советские инженеры усовершенствовали их, советские заводы давно освоили их выпуск и, казалось бы, они давно приобрели право называться по-новому. Однако до сих пор эти машины носят названия иностранных фирм, к которым они давно уже не имеют никакого отношения.

Рабочие на кирпичных заводах должны подолгу привыкать к тому, что обыкновенная глиномялка называется мудреным иностранным словом «тоншнейдер», ящичный подаватель для глины — «бешикер», а передвижная платформа для перевозки вагонеток — «шибебюне».

В литературе учащимся внушается, что непластические глины (камнеподобные), уже никакого отношения не имеющие ни к каким иностранным фирмам, называются «флинтклей». Как будто нельзя сказать это по-русски.

Специальный Комитет технической терминологии при Отделении технических наук Академии наук СССР до сих пор еще не счел возможным заняться вопросами технической терминологии для силикатной промышленности. А между тем необходимость в этом чувствуется давно.

Если такое невнимание со стороны работников комитета об'ясняется недостатком времени, следовало бы перепоручить техническую часть работы соответствующим научно-техническим обществам и инженерным секциям, заинтересованным в том, чтобы будущие инженеры, техники и молодые рабочие не воспитывались на чуждой, трудно воспринимаемой ими терминологии, а лучше тратили свою энергию на усвоение самого предмета.

Проф. Р. Л. ПЕВЗНЕР.

Лев РУБИНШТЕЙН

Клеймо доллара

Народно-освободительная армия Китая приближается к Нанкину, и среди видейших гоминдановских чиновников царит немалая паника. В такой весьма накаленной обстановке и возвысил свой голос небезызвестный Сунь Фо, занимающий пост вице-президента Китая.

В Китае этого господина называют «пушкой, которая стреляет без дела».

Впрочем, Сунь Фо всю жизнь был занят одним делом — своей личной карьерой. При этом он очень много говорил, столь же много лгал и почти непрерывно менял свои «политические позиции».

В государстве, руководимом матерыми реакционерами из Нанкина, для Сунь Фо предназначена довольно хитроумная роль: он «изображает» отсутствующую «совесть» своего покровителя и приемного дяди Чан Кай-ши. Иногда он позволяет себе поиграть в «оппозиционность». Например, в 1944 году он публично признал, что «в течение нескольких лет мы сознательно или несознательно подражали фашистскому образу действий». Позволительно усомниться только в двух частях этой фразы: «в течение нескольких лет» и «несознательно». Если убрать эти слова, то Сунь Фо отнюдь не грешит против истины.

Временами этот политический клоун изо всех сил старался притвориться «независимым деятелем». Это делалось по заданию, которое Сунь Фо получал непосредственно из канцелярии Чан Кай-ши. Но такого рода приступы «независимости», разумеется, продолжались недолго.

Суть обычных выступлений Сунь Фо не заслуживает ни внимания, ни разбора. Это стандартная унылая клевета на Советский Союз, часто буквально совпадающая с воплями самой бульварной американской прессы. В ней начисто отсутствует элементарный здравый смысл. Пускаются в ход нелепые басни о том, что СССР якобы не выполняет условий советско-китайского договора, хотя любому грамотному человеку известно, что именно Нанкин, по американской указке, усиленно старается взорвать этот договор. Повторяются неуклюжие измышления на геббельсовский манер о «советской агентуре в Китае», о таинственных танках и кораблях.

Особую ненависть у Сунь Фо вызывает демократическое движение в Китае, возглавляемое китайской компартией. Здесь он позволяет себе с поистине шутовской развязностью говорить о «десятилетних неудачах компартии», хотя известно, что в результате этих «неудач» войска Народно-освободительной армии находятся на подступах к Нанкину и Шанхаю, а территория, освобожденная от гоминдановцев, с каждым днем все более расширяется.

Господину Сунь Фо все это отлично известно. Именно поэтому он еще более усердно, чем обычно, обращается лицом к Вашингтону и без устали бьет поклоны, как правоверный мусульманин, устремивший свой взор к Мекке.

Здесь мы вступаем на почву, где протекает многолетняя карьера этой политической «девушки для всех». Известно, что Сунь Фо рос и воспитывался в США и впервые 26 лет отроду по-настоящему познакомился со своей родиной. Став китайским политическим деятелем, он даже не вполне свободно владел китайским языком.

В то же время он изо всех сил старался «делать бизнес» по уолл-стритовскому образцу. Он стал архимиллионером, участвуя в грязных спекуляциях известного банкира, компрадора и афериста Кун Сян-си, которого даже Чан Кай-ши вынужден был снять с поста министра финансов из-за слишком явной тяги к личному обогащению.

В настоящее время господин Сунь Фо дает специальные интервью с целью «обратить внимание США на советские интриги в Китае». Он ораторствует в поте лица своего, пытаясь представить своих американских воспитателей безгрешными филантропами, «не имеющими скрытых намерений в Китае».

Американская шпаргалка шелестит в его дрожащих руках. То он об'являет ООН бессильной организацией; то он заявляет, что «третья мировая война неизбежна», и открыто «надеется на советско-американский конфликт»; то он с провокационной мрачностью предсказывает, что «если Маньчжурия будет потеряна, то это явится угрозой для США...»

Недавно Сунь Фо разразился очередным интервью, напечатанным в официальном органе гоминдана — газете «Чжунъянжибао». В этом интервью он панически голосит о «серьезности положения» в Китае, о необходимости срочно увеличить подвоз боеприпасов и присылку военных инструкторов из США.

Правительственный террор в гоминдановском Китае принимает фантастические размеры. По сообщению газеты «Дагунбао» от 25 марта, учреждаются специальные уголовные суды для преследования коммунистов. Даже законодательный юань, состоящий сплошь из чанкайшистских чиновников, остановился в нерешительности перед этой дикой мерой.

Но тут как раз и раздался истерический визг Сунь Фо. «Коммунисты проникли уже на берега Янцзы! — кричал этот бывший «независимый». — Вы увидите, какие суды создадут они, когда захватят Нанкин. Те, кто сочувствует им, пусть сейчас же уйдут из законодательного юаня! Не будьте больше глупцами!..»

Навязанный сверху чудовищный террористический закон был принят при гробовом молчании «законодателей».

Отныне господину Сунь Фо больше никогда и никак не удастся прикинуться «независимым и радикальным» деятелем. Несмываемое клеймо доллара слишком явно проступает теперь на его благообразной физиономии.

В ПОИСКАХ КРАМОЛЫ

Английский художник Лоу — автор этого рисунка, помещенного в лондонской газете «Ивнинг Стандард», высмеивает проверку «лояльности» государственных служащих, которая проводится в настоящее время в Англии. Перед нами фигура рядового англичанина, преследуемого по пятам агентами охранки. Сам Лоу дал под карикатурой следующую подпись: «Следите за следящими».

Палач в почете

(Письмо из Ирана)

Группа иранских солдат и жандармов, поддержанная двумя танками, ворвалась в иранское селение Чербаш, неподалеку от города Резайе. Прикладами и палками солдаты согнали всех мужчин на каменистый пустырь. Медленно развернулись танки, и дула пулеметов были направлены на недоумевающих крестьян.

— Кто из вас демократ? — спросил капитан.

Обреченные крестьяне переминались с ноги на ногу. Все более повышая голос, капитан несколько раз повторил свой вопрос. Молчание было ему ответом. И тогда из танков брызнул пулеметный ливень. Восемнадцать человек упали на каменистую землю. Девять были убиты, остальные ранены.

На этом «боевая операция» солдат полковника Зангене, командира гарнизона города Резайе, однако, не закончилась. Они начали пытать 26-летнего Хосрова Тотасяна, требуя, чтобы он назвал имена демократов. После чудовищной пытки, длившейся два часа, «доблестные солдаты шахиншахской армии» четырьмя выстрелами добили несчастную жертву.

В тот день столь же дикая расправа была учинена и в селении Гейтапа. Здесь были убиты семидесятилетний крестьянин бедняк Эйвазов, жена и трое детей. Такая же ужасная участь постигла восьмидесятилетнего Кесю Гаруна. Его восемнадцатилетнего сына бросили в горящую печь, где выпекался лаваш. Второго сына расстреляли. Целиком была умерщвлена вся семья Бабажана.

После кровавой расправы жители селений Чербаш и Гейтапа подверглись грабежу.

Десятки человек по приказу Зангене были уничтожены в городе Резайе. И все же, боясь возрастающего гнева возмущенного народа, Зангене вынужден был отдать приказ о прекращении грабежей и расстрелов.

После того, как было потоплено в крови демократическое движение в Иранском Азербайджане, плюгавенький полковник Зангене появился в Тавризе. Он сжигал на кострах книги на азербайджанском языке. А спустя несколько месяцев его возвели в чин генерала. Уже в новом чине Зангене беспощадно расстреливал тех, с кем не успел раньше свести счеты.

Сейчас генерал Зангене свободно разгуливает по знакомым местам. И мечеть с часами, и здание штаба в Резайе — все напоминает ему (разумеется, не вызывая угрызений совести) о многочисленных жертвах, павших от его руки. Но особенно излюбленным времяпрепровождением является для него прогулки по улице, носившей ранее имя великого поэта Фердоуси. Влечет сюда генерала Зангене отнюдь не уважение к поэту, о котором он не имеет представления. Здесь он тешит свое самолюбие — ведь теперь эта улица названа улицей... Зангене!

Миллионы честных людей, дорожащих памятью великого Фердоуси, с негодованием относятся к бесстыдству палача Зангене и его покровителей. Издевательство над памятью Фердоуси лишний раз подчеркивает разнузданность иранских реакционеров и мракобесов.

В Иране не пользуются почетом ни древние, ни современные носители передовой культуры. Нет, сейчас на первое место здесь выдвигаются палачи!

А. РАГИМОВ.

РЕЗАИЕ. Март 1948 года.

О ПОЛЬЗЕ РОЗОГ

На состоявшейся 1 апреля в Скарборо (Англия) конференции Национальной ассоциации школьных учителей принята резолюция, требующая сохранения телесных наказаний в английской школе.

Делегат из Ливерпуля Паркер охарактеризовал школьников как «порочных, вредных маленьких бандитов» и пояснил: «Каждый, кто имел дело с лошадьми, щенятами и маленькими мальчиками, знает, что своевременная порка не только не вредит, но и приносит много пользы».

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ПО СТОПАМ ГЕББЕЛЬСА

По сообщению лондонской «Дейли уоркер», англо-американские солдафоны не разрешают в Германии использовать в качестве учебного пособия для средней школы произведения греческих, русских, французских, английских и немецких классиков, в том числе Шекспира, Гёте, Шиллера и Мольера.

Американские полицейские задержали при переезде через баварскую границу одного из известных немецких литературоведов и изорвали в куски отобранные у него книги М. Горького, Фр. Энгельса и Томаса Манна. Не довольствуясь этим, они затоптали изорванные книги в грязь и проехали по ним в автомобиле.

ПРЕДЕЛ ПОДХАЛИМСТВА

Английская газета «Ньюс кроникл», раболепствуя перед Уолл-стритом, начала именовать в своих сообщениях 16 европейских стран, принимавших участие в Парижской конференции, «странами Маршалла».

ДЫМОВОЙ ЗАЛП ИЗ 18 СИГАРЕТ

Эпидемия всевозможных конкурсов продолжает бушевать в США с неослабевающей силой, принимая порой самые неожиданные формы. В этом можно убедиться хотя бы при взгляде на помещаемое здесь фото: перед вами победитель открытого конкурса наиболее завзятых курильщиков Нью-Йорка. По условиям этого состязания, каждый из его участников не имел права до самого конца вынуть изо рта ни одной папиросы, причем ни одна из них не должна была также потухнуть.

Новый рекордсмен курит одновременно 18 сигарет и одержал «победу».

Почтовый ящик „Дейли миррор“

Английская реакционная газета «Дейли миррор» без всякого разбора публикует письма своих читателей, как бы чудовищно абсурдны они ни были. Приведем на выборку несколько писем из обширного почтового ящика газеты.

Некто Тэрнер из Миддлсекса глубокомысленно заметил, что за последнее время большинство изнасилований в Англии совершено людьми, фамилия которых начинается на букву Г. Поспешив поделиться с редакцией «Дейли миррор» этим ценным наблюдением, он просит ответить: «Является ли это случайностью или указывает на определенную закономерность?»

Важную проблему поднимает также читатель из Клитопса: «Что вы сказали бы о леди, которая, выпив один малюсенький стаканчик виски, завалилась спать на всю ночь в своей лучшей шляпе?»

Молодой человек по фамилии Кузель волнуется — не поставил ли он рекорд, посетив в 1947 году кинотеатры 126 раз. Жажда славы обуревает и владелицу канарейки, дожившей до $16\frac{1}{2}$ лет: она тоже просит ответить, не является ли это рекордом.

Некая рыжая дама делится своим беспокойством: она слыхала, что этот пикантный цвет волос высасывает у обладающих им все жизненные силы»...

Весь этот бред регулярно появляется на страницах «Дейли миррор» и, видимо, призван служить «доказательством» того, что в современной Англии еще не перевелась «свобода печати»...

«Бездельники, тираны и путаники»

В февральском номере широко распространенного американского журнала «Вуменс хоум компэнион» помещена статья писателя Гоуарда Уитмэна, в которой критикуются американские суды. Обследовав суды в Вашингтоне, Нью-Йорке, Кливленде, Сент-Луисе, Чикаго и многих других городах, побеседовав со многими судьями, автор статьи пришел к выводу, что американская юстиция имеет в качестве судей «поражающее — почти невероятное — количество некомпетентных людей, бездельников, тиранов, политических посредственностей, мошенников и путаников. Некоторые из наших судей настолько непригодны к своей работе, что они полагаются на своих секретарей и сотрудников, которые пишут за них решения. Некоторые судьи засыпают за столом. Другие — пьяницы».

Говоря о той власти, какой располагает американский судья, Уитмэн подчеркивает: «Имущество может подвергаться разграблению или разворовываться, право владения может ограничиваться ими в течение многих лет. Судьи могут отправлять людей в дома для умалишенных. Они могут лишать женщин помощи от их мужей. Они могут у родителей отнять детей».

Описывая поведение судей, Уитмэн рассказывает об одном из них, который постоянно спит во время судебных процессов, причем стенограф суда, когда нужно, сильно ударяет ногой в кресло, чтобы разбудить судью. Уитмэн сообщает также о другом судье, который добился избрания благодаря тому, что дарил женщинам-избирательницам шелковые чулки и парфюмерию. Стремясь после избрания создать себе соответствующую репутацию, он составил решение по делу и отослал его для напечатания в юридическом журнале. Журнал опубликовал это решение, назвав его «блестящим»; однако позднее выяснилось, что подобного судебного дела вообще никогда не существовало. Судья выдумал его, чтобы разрекламировать себя.

Уитмэн цитирует следующее высказывание бывшего члена суда штата Нью-Йорк: «Только 25 процентов наших судей до некоторой степени пригодны к выполнению своих обязанностей. Некоторые из них менее пригодны, чем люди, которых они отправляли в дома для умалишенных».

Уитмэн указывает, что причиной продажности, наблюдающейся в американских судах, отчасти являются методы подбора судей; например, в городе Чикаго заправилы республиканской и демократической партий заранее совещаются и договариваются о том, какое количество судейских мест должно быть предоставлено каждой из этих двух партий.

Представитель муниципальных властей в Нью-Йорке Мозес сообщил недавно о факте «покупки» места судьи за 25 тысяч долларов. Один из работников суда низшей инстанции сказал Уитмэну, что у него была возможность «купить» себе за 50.000 долларов место в суде штата Нью-Йорк.

Иностранный юмор

Обнадеживающая беседа

На набережной Темзы появляется человек, который в течение нескольких часов внимательно слушал по радио дискуссию в Палате общин, посвященную экономическому положению Англии. Пошатываясь, он подходит к перилам и начинает перелезать через них с явным намерением броситься в воду.

К нему быстро направляется полисмен и говорит:

— В чем дело, сэр? Не следует отчаиваться. Давайте лучше сядем рядом и побеседуем.

— О чем же мы будем говорить?

— О будущем.

Спустя десять минут оба они, взявшись за руки, быстро направились к Темзе...

(«Дейли телеграф»)

Приезд в Москву немецких писателей и деятелей культуры

По приглашению Союза советских писателей СССР в Москву прибыла группа немецких демократических литераторов и деятелей культуры. В составе делегации — писатель Бернгард Келлерман с супругой, писательница Анна Зегерс, руководитель крупнейшего в Германии театра, автор знакомого советскому читателю романа «Болотные солдаты» — Вольфганг Лангхоф, профессор политэкономии Юрген Кучинский, беллетрист Эдуард Клаудиус, писатель и переводчик Михаэль Чесно, поэт и литературный критик Стефан Хермлин, драматург Гюнтер Вайзенборн, профессор живописи Генрик Эмзен, публицист и литературный критик Вольфганг Харих.

На московском аэродроме делегацию встречали заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР К. Симонов, Б. Горбатов, К. Федин, Т. Мотылева, А. Лейтес, М. Аплетин.

Гости привезли с собой книги, созданные в послевоенные годы.

Один из старейших писателей Германии — Бернгард Келлерман написал большой роман «Пляска смерти». Это книга о рядовом немце, силой втянутом фашистами в преступление перед человечеством. Свою литературную деятельность Бернгард Келлерман сочетает с большой общественно-политической работой. В Бранденбургской земле он руководит филиалом Общества по изучению культуры Советского Союза.

Солдат Интернациональной бригады в Испании, активный участник движения сопротивления во Франции, боец итальянских партизанских отрядов, Эдуард Клаудиус написал роман о гражданской войне в Испании — «Зеленые маслины и голые годы», повесть «Ненависть», рассказывающую о злодеяниях гитлеровцев.

Анна Зегерс, известная советскому читателю по роману «Восстание рыбаков» и другим произведениям, написала большой роман «Седьмой крест», повествующий об интернациональной солидарности антифашистов. Недавно вышла ее повесть «Транзит». Автор рассказывает в этой книге об антифашисте, вынужденном скитаться по странам мира. Автобиографические мотивы в этой повести занимают большое место.

Анна Зегерс — активный общественный деятель Германии. Она — вице-президент запрещенной в Бизонии организации «Культурбунд» и Общества по изучению культуры Советского Союза.

Драматург Гюнтер Вайзенборн, участник подпольной борьбы против гитлеровцев, написал пьесу «Подпольщики» и книгу воспоминаний «Мемориаль».

Беллетрист, поэт и литературный критик Стефан Хермлин привез в Москву книгу баллад — плод многолетней работы в глубоком немецком подполье.

В дни пребывания в Москве немецкие писатели и деятели культуры посетят культурно-просветительные учреждения, ознакомятся с историческими памятниками.

* * *

Вчера в Центральном доме литераторов состоялась встреча московских писателей с немецкими литераторами и деятелями культуры.

На встрече присутствовали Бернгард Келлерман, Анна Зегерс, Вольфганг Лангхоф, Юрген Кучинский, Стефан Хермлин, Эдуард Клаудиус, Гюнтер Вайзенборн, Михаэль Чесно, Генрик Эмзен, Вольфганг Харих, члены правления, президиума и секретариата Союза советских писателей СССР — К. Симонов, Вс. Вишневский, Б. Горбатов, Л. Леонов, И. Эренбург, В. Катаев, К. Федин, С. Маршак, Ф. Гладков, В. Лидин, представители издательств, литературно-художественных журналов и прессы.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Прошу передать через вашу газету горячее спасибо моим дорогим друзьям и читателям, вспомнившим обо мне в день моего шестидесятилетия.

Мариэтта Шагинян

Эльмар ГРИН

Договор дружбы и прогресса

Советский Союз не раз проявлял свою дружбу к финскому народу. Всем известно, что из рук Ленина и Сталина Финляндия получила полную национальную независимость. Уже в первые дни Великой Октябрьской социалистической революции И. В. Сталин высказался за добровольный и честный союз финского народа с народом русским, против какой бы то ни было опеки, надзора сверху над финским народом. Эти принципы советской политики в отношении Финляндии остаются неизменными. Тем не менее международная реакция неоднократно толкала Финляндию на путь вражды по отношению к советскому государству.

Кто был причиной этой вражды, сейчас уже достаточно известно каждому финну, искренне пожелавшему это узнать. Одно несомненно: финский народ никогда не желал столкновения с миролюбивым восточным соседом, как не желал того и сам сосед. И сейчас финский народ разоблачает тех, кто на протяжении десятков лет толкал его на гибельную войну. Народу Финляндии принадлежит право произнести над ними слово приговора, а затем раз и навсегда покончить с разжиганием нелепой вражды к русским.

Надо сказать, что и прежде, даже в пору самой необузданной антирусской пропаганды, в Финляндии раздавался голос разума, здравого смысла. Так, например, в октябре 1910 года в Хельсинки появилась написанная на шведском языке брошюра под названием «Положение Финляндии». Автор ее, магистр философии Вальдемар Курберг, отмечая значительное повышение благосостояния финского народа после устранения шведского владычества, заявлял:

«Откровенно говоря, Финляндия сильно нуждается в защите России и ее дружеском попечении», ибо «на собственных ногах Финляндия стоять не в состоянии».

Далее автор доказывал, что широко распространившаяся проповедь отчуждения от русских является причиной многих ошибок Финляндии. А, между тем, по его мнению, «от более близкого знакомства с русскими мы можем только выиграть, ибо они имеют прекрасные качества, недостающие нам, да и у нас нашли бы кое-что достойное подражания».

К тому же самому призывал в свое время финский писатель Кианто. Посетив однажды русскую Карелию, он следующим образом описал свои впечатления: «Мои спутники восхищались приветливостью и откровенностью карел. Добродушное, свободное обращение карел производило изумительное впечатление. Как будто здесь, в Карелии, дули совершенно иные ветры, чем на финской стороне». Кианто приходит к выводу, что финнам есть чему поучиться у карелов.

Если в прежние времена эти мудрые голоса, призывавшие финнов к дружбе с соседом, были голосами одиночек, то в наши дни о необходимости такой дружбы заговорили десятки тысяч рядовых финнов-тружеников, не желающих быть пушечным мясом для западных «благожелателей» и их приспешников внутри страны. Голос отдельных здравомыслящих людей, искренне озабоченных судьбами родной Суоми, говорит ныне устами многих тысяч.

Вот как, например, охарактеризовала в передовой статье политическую обстановку в Финляндии газета «Тюэкансан саномат» от 20 марта 1948 года: «Финская делегация отправляется сегодня в путь, сопровождаемая воинственными криками с Запада. Кровавые военные авантюристы, которые девять лет назад начали ужасную войну, в течение этой недели трубили во все трубы против мира и его сторонников... Факты говорят о том, что профессиональные поджигатели войны более не скрывают свои преступные намерения и провозгласили всему миру, что они путем новой войны стремятся к порабощению свободных народов Европы. После речи президента Трумэна никто не может больше утверждать, что Финляндия находится вне зоны опасности... При таком положении не может быть больше никакого сомнения в том, что заключение с Советским Союзом договора о дружбе и взаимной помощи является единственным способом обеспечить безопасность нашей страны и мира».

Эти слова показывают, насколько выросло политическое сознание рядовых финнов. Они понимают теперь, что не только могут многому поучиться у СССР, но что и развитие всей Европы немыслимо ныне без участия Советского Союза. «Каждому человеку, понимающему законы истории, ясно, — заявляет газета «Вапаа сана», — что об'единение и восстановление Европы должно происходить на базе народной демократии и в союзе с СССР».

Перспектива установления тесной дружбы с Советским Союзом всколыхнула радостью демократические круги финляндской общественности. Об этом говорит прокатившаяся по всей стране волна многочисленных митингов. Одна лишь нюландская окружная организация общества «Финляндия — Советский Союз» собрала 9 марта в зале Мессухалли в Хельсинки около 10 тысяч человек, и все они единодушно высказались за принятие предложения Генералиссимуса Сталина.

Много дней в Финляндии длилось напряженное ожидание. Ловили малейшие вести из Москвы. Высказывались опасения, что реакционные элементы сорвут переговоры и перед страной снова встанет неясное, бесперспективное будущее. В эти дни ободряюще звучал голос газеты «Вапаа сана». Она писала: «Каждая поездка в Москву, совершенная с искренними и дружескими намерениями, приносила нашей стране хорошие результаты. Таких же результатов ожидает наш народ и на сей раз. Нам нечего изворачиваться, когда речь идет об отношениях с Советским Союзом. Только на основе искренности и честности можно создать дружбу между двумя народами».

Поездка финских представителей в Москву дала благие результаты. Два народа установили новый в их истории этап взаимоотношений между собой, этап дружбы, основанной на взаимном уважении и доверии.

Несомненно, все друзья мира и прогресса с радостью и удовлетворением встретят весть о подписании советско-финляндского договора.

ЛЕНИНГРАД.

Новые книги

ГОСЛИТИЗДАТ

Антоновская А. Великий Моурави. Ч. 5-я, 512 стр. Цена 10 руб.

Вургун С. Избранные произведения. 455 стр. Цена 12 руб.

Гольцев В. Грузинские писатели девятнадцатого века. 167 стр. Цена 4 р. 50 к.

Гончаров И. Обломов. Роман. 440 стр. Цена 10 руб.

Гюго В. Собор Парижской богоматери. 448 стр. Цена 10 руб.

Зарян Н. Избранные произведения. 404 стр. Цена 10 руб.

Золя Э. Ругон-Маккары. Добыча. 364 стр. Цена 6 руб.

Кобылянская О. Земля. Повесть. 311 стр. Цена 5 р. 50 к.

Короленко В. Чудная. Соколинец. Река играет. 112 стр. Цена 1 р. 50 к.

Мопассан Г. Полное собрание сочинений. Т. VIII. (Монт-Ориоль. Избранник г-жи Гюссон). 372 стр. Цена 10 руб.

Негош П. Горный венец. 174 стр. Цена 8 р. 50 к.

Овечкин В. Рассказы. 112 стр. Цена 1 р. 25 к.

Серафимович А. Собрание сочинений. Т. VI. 455 стр. Цена 10 руб.

Толстой А. Полное собрание сочинений. Т. VI. Эмигранты. Рассказы и повести 1928—1930 гг. 555 стр. Цена 18 руб.

Федин К. Избранные произведения. 712 стр. Цена 16 руб.

Франко И. Каменщик и другие рассказы. 80 стр. Цена 1 руб.

Фильдинг Г. История Тома Джонса найденыша. 876 стр. Цена 18 руб.

Чехов А. Сочинения. Т. XI. Пьесы (1885—1904). 632 стр. Цена 15 руб.

Шолохов М. Тихий Дон. Роман. Книги 1-я и 2-я. 692 стр. Цена 18 руб.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Заславский Д. Литературно-публицистические статьи. 430 стр. Цена 13 р. 50 к.

Злобин С. Остров Буян. Роман. 587 стр. Цена 19 р. 50 к.

Каменский В. Избранное. 174 стр. Цена 9 р. 50 к.

Френкель И. Стихи и поэмы. 168 стр. Цена 6 руб.

ДЕТГИЗ

Алимджан Х. Симург. Сказка. 72 стр. Цена 1 р. 80 к.

Белинский В. О классиках русской литературы. 360 стр. Цена 6 р. 80 к.

Обложка книги Л. Коробова «Малая земля», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия», с фотоиллюстрациями автора.

Гримм, братья. Сказки. Литературная редакция С. Маршака. 40 стр. Цена 5 р. 25 к.

Колпакова Н. (составитель). Счастливый охотник. Песенки народов леса и тундры. 20 стр. Цена 4 руб.

Липкин С. Манас великодушный. Повесть о древних киргизских богатырях. 200 стр. Цена 8 р. 20 к.

Навои А. Лейли и Меджнун. 190 стр. Цена 4 р. 70 к.

Пантелеев А. На ялике. Рассказы. 104 стр. Цена 4 р. 40 к.

Перфильева А. Далеко ли до Сайгатки? Повесть. 224 стр. Цена 8 р. 60 к.

Погорельский С. Новая школа. 32 стр. Цена 1 р. 55 к.

Прилежаева М. Юность Маши Строговой. 224 стр. Цена 8 р. 60 к.

Рубинштейн Л. На сопках Маньчжурии. Записки военного корреспондента. 96 стр. Цена 5 руб.

Тургенев И. Муму. 47 стр. Цена 60 к.

Фурманов Д. Чапаев. Повесть. Серия «Золотая библиотека». 360 стр. Цена 9 руб.

В серии «Первая библиотечка школьника» вышли следующие книги:

Гайдар А. Р. В. С. 64 стр. Цена 1 р. 40 к.

Григорович Д. Гуттаперчевый мальчик. 32 стр. Цена 80 к.

Одоевский В. Городок в табакерке. 32 стр. Цена 70 к.

Пришвин М. Журка. 32 стр. Цена 80 к.

Тургенев И. Перепелка. 16 стр. Цена 30 к.

Уйда. Степь. 32 стр. Цена 70 к.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01713.